

Святослав
БѢЛЗА

Судьба
благоволит волящему

Игорь Святославович Бэлза Судьба благоволит волящему. Святослав Бэлза

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42807836

Судьба благоволит волящему. Святослав Бэлза / Под редакцией

Александра Сенкевича: У Никитских ворот; Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-777-6

Аннотация

Перед вами книга, посвященная памяти народного артиста России Святослава Игоревича Бэлзы (1942–2014 гг.). С.И. Бэлза относился к выдающимся личностям в мире современной культуры. Он заявил о себе как талантливый литературовед и критик, музыковед, журналист и ведущий музыкальных телепрограмм и концертов, получивших широкую известность в России и за ее пределами. Книга составлена из сочинений С.И. Бэлзы, интервью с ним и соприкасавшимися с ним по работе и в частной жизни людей, а также воспоминаний его сыновей, коллег и друзей.

Содержание

Слово Игоря Бэлзы об отце	5
Долгая и трудная дорога к отцу	37
Часть I	45
Человек пишущий и человек читающий	45
Человеческая трагедия	57
Вдохновенный друг Шекспира	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Судьба благоволит
волящему. Святослав Бэлза
Составление, подготовка
текстов Игоря Бэлзы,
Александра Сенкевича**

Книга издана при содействии Благотворительного фонда поддержки музыкального искусства «Фонд Елены Образцовой»

Фото на обложке предоставлено автором – Вяткиным Владимиром Юрьевичем

Слово Игоря Бэлзы об отце

Приветствую вас, дорогой читатель! У вас в руках книга, посвященная памяти моего отца – Святослава Бэлзы. Название книги не случайно. «*Ducunt volentem fata*» – это девиз на нашем родовом гербе. В переводе на русский язык он звучит: «Судьба благоволит волящему». «Болящий» – производное от слова «воля».

Одной из задач, которую ставили перед собой составители, замышляя это издание, – рассказать о моем отце, каким видели его вблизи и издалека многие люди: его дети, друзья и коллеги. Думаю, что большинству почитателей его таланта он запомнился приветливым человеком в черном смокинге и галстук-бабочке, представляющим кого-то или о чем-то рассказывающим со сцены или с телевизионного экрана. Элегантным, жизнерадостным, обладающим энциклопедическими знаниями популярным ведущим. Не многим пришлось видеть Святослава Игоревича, как говорят сейчас, в формате «без галстуков». Надеюсь, что составители этой книги справились со своей задачей и Святослав Бэлза предстанет перед вами в своем естественном облике. Тем, кем он был в повседневной жизни, заполненной постоянной творческой работой.

Книга содержит интервью, данные отцом при жизни, и прощальные – с его друзьями и коллегами. Ознакомьтесь вы

также и с некоторыми его сочинениями – предисловиями, послесловиями к книгам известных писателей и обстоятельными научными статьями об их творчестве, а также с воспоминаниями людей, с кем он общался достаточно часто.

Позволю себе небольшой экскурс в историю жизни моего отца и расскажу его биографию.

Святослав Бэлза родился 26 апреля 1942 года в эвакуации, в городе Челябинске, где брат моего дедушки Игоря Федоровича был одним из руководителей Челябинского танкового завода. По замыслу папиных родителей, отец должен был родиться в Киеве, но война спутала первоначальные планы. Не прошло и месяца со дня рождения отца, как дедушка забрал свою супругу Зою Константиновну и своего маленького сына Святослава в Москву. В своих интервью отец признавался, что вновь посетил Челябинск по прошествии более чем пятидесяти лет в связи с присвоением ему звания почетного гражданина этого города.

Детство отца прошло среди дедушкиных друзей. Игорь Федорович дружил с Анной Ахматовой, маршалом Иваном Коневым, композиторами Арамом Хачатуряном, Борисом Лятошинским, Гавриилом Поповым (автор музыки к фильму «Чапаев» и крестный отец Святослава), Николаем Мясковским, Виссарионом Шебалиным, саксофонистом и джазменом Алексеем Козловым, мастером художественного рассказа, телеведущим, писателем Ираклием Андрониковым, поэтами Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушен-

ко, академиком Дмитрием Лихачевым, писателями Виктором Шкловским и Ярославом Ивашкевичем и многими другими. Стоит упомянуть, что в одном из своих интервью отец сказал, что именно Ираклий Луарсабович Андроников является для него идеалом автора появившегося на телевидении нового жанра – «устного рассказа». В основу содержания этого рассказа легли изыскания ученого-литературоведа. Благодаря выступлениям Ираклия Андроникова у аудитории рос интерес к чтению художественных произведений. Та же задача стояла и перед моим отцом – привлечь внимание многомиллионной аудитории к музыкальной классике в ее многих жанрах.

В те годы семья отца жила в поселке писателей на углу Беговой улицы и Хорошевского шоссе, в двухэтажном домике с колоннами, похожем на помещичью усадьбу, построенном пленными немцами. «У меня было тяжелое детство, – иронически вспоминал отец, – когда нормальные дети гоняли в футбол во дворе, меня заставляли мыть шею и вели в Большой зал консерватории или Большой театр. С юных лет музыкой меня перекормили».

Учился отец в английской спецшколе № 1 в Сокольниках. Для поступления в нее Игорь Федорович, мой дедушка, все лето штудировал с отцом «Тома Сойера» Марка Твена в оригинале. Прочитав «Трех мушкетеров» Александра Дюма, отец занялся фехтованием и впоследствии стал чемпионом МГУ и чемпионом Москвы среди юношей. Уже много позже

он напишет замечательное предисловие к первому полному собранию сочинений Дюма, изданному в СССР.

Дедушка занимался с отцом изучением иностранных языков. Святослав, или, как его называли в семье, Светик, со школьных времен говорил на английском, польском, болгарском и французском языках.

По завершении школы, в 1960 году, Святослав Игоревич поступил на филологический факультет МГУ и в 1965 году окончил его славянское отделение. В дипломе была указана специальность: филолог-литературовед. В это же время он начал печататься в газете «Неделя». А первая научная публикация восемнадцатилетнего студента-филолога Святослава Игоревича Бэлзы о польских связях князя И.А. Вяземского была опубликована в 1960 году в журнале «Вестник истории мировой культуры», издававшемся под эгидой ЮНЕСКО.

По завершении обучения в МГУ в 1965 году поступил на службу в качестве научного сотрудника в Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где проработал в общей сложности тридцать семь лет. Отец является автором предисловий ко многим произведениям классической зарубежной и русской литературы, в том числе предисловий к сочинениям Марка Твена, Редьярда Киплинга, Даниэля Дефо, Уильяма Шекспира, Дюма Грина, Оскара Уайльда, Эдгара Аллана По, Алигьери Данте, Мигеля де Сервантеса, Станислава Лема, Жоржа Семенона, Агаты Кристи, Валерия Брю-

сова, Петра Вяземского. Его статьи предваряют книги Ирины Архиповой и Муслима Магомаева, а также многих других авторов.

В 1969 году отец познакомился с моей мамой. Вот как он рассказывал об их знакомстве в одном из интервью: «С первой женой Ниной мы познакомились в 1969 году на спортивных состязаниях в Польше. <...> Нина была моложе на пять лет, очень симпатичная и отменно плавала. Могла выиграть даже в мужских соревнованиях. Этим меня и покорила. До поры до времени все шло замечательно. Но однажды, когда я уже ушел от жены к родителям, но еще не развелся, в поезде встретил Ольгу, дочку известного артиста Петра Глебова. Когда нашему с Олей сыну было два года, я наконец оформил официальный развод с Ниной. Старшему моему наследнику от первого брака тогда уже двенадцать стукнуло. А с Ольгой наши отношения так и не зарегистрировали. У меня замечательные отношения с обоими сыновьями, и самое главное – между собой они тоже дружат. Игорь окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики, а младший, Федор, – Московский университет управления».

В 1979–1989 годах отец по совместительству работал обозревателем по зарубежной культуре в «Литературной газете». В числе наиболее ценных трудов, отражающих многогранный отцовский талант, – очерки «Брюсов и Данте», «Брюсов и Польша», «Данте и русская поэзия первой четвер-

ти 20-го века», «Дон Кихот в русской поэзии», «Грэм Грин», «Пушкин и культурная общность славянских народов», «Розанов и читатель», «Словацкая литература».

Святослав Игоревич имел репутацию сильного шекспироведа, он внес значительный вклад в систематизацию и изучение наследия своего предшественника, русского исследователя творчества Шекспира Михаила Морозова. Популярной у любителей словесности оказалась необычная книга отца «Человек читающий. Номо legens», представляющая собой сборник эссе выдающихся писателей и оригинальное исследование способностей современного человека к чтению, приобретающих особую значимость в современную эпоху, когда «игра становится важнее реальности». Книга вышла двумя изданиями в 1983 и 1989 годах.

В 1971 году Бэлза был принят в Союз журналистов СССР, а в 1975 году – Союз писателей СССР.

Всего перу отца принадлежит более 300 литературоведческих и критических публикаций, часть из них посвящена взаимовлиянию русской и польской, испанской, итальянской литератур. Труды Святослава Игоревича переведены на английский, немецкий, итальянский, польский, чешский, словацкий, венгерский и другие языки.

Эра телевидения началась для Святослава Игоревича с его дебюта в 1972 году в программе, как говорил он сам, его крестного отца на телевидении, Юрия Александровича Сенкевича «Клуб кинопутешествий», где он выступил с сюжета-

ми «Париж глазами Андре Моруа», «Франция глазами импрессионистов». Много лет спустя, когда, будучи в ЦДЛ, мы с отцом встретили Юрия Александровича, мне была вручена фотография известного «Ткгриса» с дарственной надписью – «Игорю Бэлзе младшему от экипажа „Тигриса“» и подписью «Ю. Сенкевич».

С середины 1980-х годов к отцу приходит широкая известность как популяризатору классической музыки.

В 1987–1996 годах Святослав Бэлза становится автором и ведущим телепрограммы «Музыка в эфире» на первом канале, одной из самых популярных программ о культуре, когда-либо выходящих на российском ТВ, появлявшейся на экране в вечерний прайм-тайм – до и сразу после программы «Время». Одновременно он являлся ведущим самых значимых культурных событий России. Например, представлял программу «Звезды в Кремле». На глазах Святослава Игоревича и под его опекой в программах фонда «Новые имена» первые шаги в большом искусстве делали Денис Мацуев, Николай Цискаридзе, Борислав Струлёв и другие ныне известные музыканты и артисты. Со многими из них отца впоследствии связало не только творческое сотрудничество, но и многолетняя дружба.

Любовь к джазу отец разделял со своими друзьями – Олегом Лундстремом, Юрием Саульским и Георгием Гараняном. Ему везло на действительных исполинов культуры! Отец пил виски с Грэмом Дэйном, игристое вино «Ламбус-

ко» с Лучано Паваротти, горилку с Иваном Козловским, чай с Изабеллой Юрьевой и Ириной Архиповой, бордо с Рудольфом Нуриевым, водку с Вадимом Козиным. Его связывала дружба со многими именитыми людьми как России, так и зарубежья. Перечисление их имен займет как минимум целую страницу этой книги.

В одном из интервью отец вспоминал: «Флоберу принадлежит известное выражение: не следует прикасаться к кумирам руками, а то на пальцах остается позолота... К счастью, мне доводилось „касаться“ людей истинного золотого чекана, чей духовный свет не тускнел от того, что они представляли перед тобой в обыденной обстановке. Творчеством Дэйна я занимался много, подготовил выход его шеститомника на русском языке, писал предисловия к другим изданиям писателя. Сопровождал самого Дэйна в его поездках по нашей стране. Меня потрясло: когда по его приглашению я прилетел во Францию – а Дэйн тогда жил в Антибе со своей верной подругой и помощницей Ивой Клоетта, – они оба приехали на машине встречать меня в аэропорту Ниццы. Дэйну в ту пору было уже за 80, да вдобавок за несколько дней до моего приезда он упал и сломал два ребра. <...> Не зря Габриэль Гарсия Маркес, справедливо считающий себя учеником Грина, сказал о мастере: вот, может быть, единственный случай, когда представление, составленное о писателе на основании его книг, оказывалось таким же и при личном знакомстве. Через мою жизнь прошло столько великих людей,

что хватило бы на несколько жизней. А с другой стороны, время от времени ловлю себя на том, что мое самоощущение не изменилось с мальчишеских лет. И своим сыновьям я порой подаю примеры изрядного легкомыслия...»

И вот один из таких случаев легкомыслия. В начале 2000-х годов отец вошел в попечительский совет Академии МВД, и ему было выдано удостоверение сотрудника МВД. Вскоре я заметил, что он отправляется, будучи за рулем, на различные мероприятия, после которых проходили банкеты. И задал ему вопрос: «Папа, ты же наверняка выпиваешь как минимум бокал вина на банкетах! Как ты можешь садиться за руль после этого?» Я категорически против употребления алкоголя, когда нужно позже управлять машиной. Он ответил жестко, что все хорошо, он контролирует ситуацию, и вообще, кто я такой, чтобы его учить. После этого мы не разговаривали около месяца. И вот через месяц он сам позвонил и сказал, что я прав, что не нужно пользоваться удостоверением и искушать судьбу. И после этого на такие мероприятия он отправлялся, уже будучи не за рулем. Кстати, иногда и я забирал его и довозил домой.

В 1992–1995 годах отец становится художественным руководителем студии музыкальных и развлекательных программ ГТРК «Останкино» и творческого объединения «Музыка в эфире». В этот период он снял телеинтервью со многими классиками, в том числе с Ириной Архиповой, Изабеллой Юрьевой, Галиной Улановой, Вадимом Козиним и дру-

гими. Жаль, что эти ценные записи исчезли из архива телевидения.

В 1997–1998 годах Святослав Бэлза вел передачу об известных композиторах «Игра в классику» на канале «ТВ Центр». Всего вышло шестьдесят выпусков.

Отец был одним из инициаторов организации канала «Культура». На предложение стать главным редактором канала ответил отказом – как он сказал, не хотел быть привязанным к рабочему графику с 9.00 до 18.00. Отец говорил, что относится к «вольным сыновьям эфира».

С момента основания канала, с 1997 года, работал на телеканале «Культура», где у него были авторские передачи: «В вашем доме», «Шедевры мирового музыкального театра» и программа «Романтика романса», имевшие высокие зрительские рейтинги. На этом телеканале отец вел телеконкурс «Большая опера», праздничный концерт «Новый год с Владимиром Спиваковым» и «Новогодний „Вокзал мечты“ с Юрием Башметом», рассказывал также о балете. Там же с 21 октября 2012 года стал ведущим телевизионного конкурса «Большой балет» вместе с Аллой Сигаловой. Папа называл балет самым жестоким и изысканным видом искусства, «требующим от танцора ежедневного самоистязания».

Мало кто знает, что отец был причастен к организации и проведению Венского бала в Москве, Биаррице, Вене и других городах. Он был бессменным ведущим этих балов до самой своей смерти. Отец также участвовал в становлении «Ге-

ликон-оперы», а дружба с Дмитрием Бертманом завязалась, когда театра не было и в проекте. Папа участвовал и в жизни музеев. Среди них музей А.С. Пушкина на Пречистенке, Музей Скрябина и многие другие.

В завершение перечислю все папины регалии: народный артист России (2006), заслуженный деятель искусств России (1994), заслуженный деятель культуры Польши (1988), заслуженный деятель искусств Украины (2004), лауреат Государственной премии Российской Федерации 2011 года в области литературы и искусства, премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры, премии Фонда Ирины Архиповой (2001), премии Москвы (2002). Почетный член Российской академии художеств, президент Российской академии искусств (2011), член Академии Российского телевидения (1994), почетный президент Международного конкурса «Музы мира», бессменный председатель жюри «Бунинской премии», участник жюри конкурса «Золотая маска», член Союза писателей (1975), Союза журналистов России (1971) и Союза театральных деятелей (1999). Член Совета по общественному телевидению России с 2012 года. Старшина Английского клуба. Автор более 300 литературоведческих и критических публикаций, предисловий к произведениям классиков зарубежной и русской литературы. Труды отца переведены на английский, немецкий, итальянский, польский, чешский, словацкий, венгерский и другие языки.

Награды:

- ◆ Офицерский крест ордена Заслуг перед Республикой Польша (8 декабря 1997);
- ◆ Золотая медаль «За заслуги в культуре Gloria Artis» (2 сентября 2010);
- ◆ Орден Дружбы (27 октября 2000) – *за заслуги перед государством, многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами;*
- ◆ Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (13 апреля 2012) – *за большой вклад в развитие отечественной музыкальной культуры и многолетнюю просветительскую деятельность;*
- ◆ Международный общественный орден «Золотой сокол» (2012);
- ◆ Орден Казановы.

Итак, следуйте за мной, читатель...

Я горжусь тем, что Святослав Бэлза мой отец! Я сожалею, что мой отец Святослав Бэлза! Как ни прискорбно признать, но его реализация в профессии, его востребованность лишили меня отца. Общаться с ним приходилось намного реже, чем хотелось бы. Но давайте обо всем по порядку.

Свое детство помню смутно. Родился я в роддоме непода-

леку от бывшего универмага «Москва», что находился недалеко от квартиры, где поселилась семья Бэлзы – Игорь Федорович, Зоя Константиновна и их сын Святослав Игоревич. Ордер на заселение семья получила в конце 50-х годов. С той поры квартира не меняла своих жильцов. Туда же отец привел и мою маму. Эта квартира стала и для меня первым пристанищем на целых два года.

Прожили в ней мы – папа, мама и я – недолго. Уже в 1973 году семья в кредит приобрела небольшую кооперативную квартиру на самой окраине Москвы – на улице Теплый Стан. В этой квартире прошло все мое детство и большая часть юности.

Помню, что в те времена домашний телефон был редкостью. У нас он появился довольно скоро – отец выхлопотал по служебной необходимости.

Надо сказать сразу – отец не любил и не умел просить! Вернее, не умел просить за себя и своих близких.

Уже после его ухода меня поразило количество людей, которые подошли ко мне на похоронах, написали в соцсетях. Все они говорили о том, что благодаря моему отцу, его помощи, его хлопотам сложилась их судьба. Безусловно, это отратно и приятно слышать.

Но вернемся обратно, в маленькую квартирку на окраине Москвы. Все дети, пока они дети, хотят играть. И я не был исключением. Не могу припомнить, чтобы я играл с папой. С мамой, помню, – играл.

В те времена отец дружил с Иваном Петровичем – начальником нашего отделения милиции. И в те дни, когда надо было меня с кем-то оставить, Иван Петрович присылал лейтенанта Колю, который со мной иногда сидел и выводил на прогулку. Помню, как я менялся с ним оружием. Мне повезло быть счастливым обладателем хромированного «кольта» с красной ручкой, на которой лошадиная голова держала в зубах звезду. «Кольт» стрелял специальными капсюлями, вставляемыми, как пули, в барабан. Лейтенант с удовольствием менялся со мной на свой табельный «Макаров». Поэтому я с малолетства обожаю оружие.

С самого детства отец внушал мне гордость за наш род. Это, конечно, приятно – родиться в семье с многовековой историей, но в то же время очень ответственно. Вы только представьте себе – первое письменное упоминание о нашем роде в «Повести временных лет»! Это времена первых крестовых походов! Наверное, именно поэтому в подростковом возрасте я старался особо не проказничать, дабы не уронить родовую честь.

Мои детские воспоминания не так уж и обширны. Помню несколько случаев, о которых сейчас расскажу.

Часто ли меня наказывал отец – я этого не помню. Скорее всего – нет, не наказывал. Но один случай все же мне запомнился. В комнате родителей, служившей одновременно и гостиной, стоял диван, который раскладывался, как детская книжка. У дивана были деревянные полированные ручки.

И вот я затеял игру – собрал все возможные ключи в доме. От письменного стола, шкафов и т. д. И надо же было такому случиться, одним из этих самых ключей поцарапал полировку ручки дивана. Сильно поцарапал. Это был единственный раз, когда отец как следует отшлепал меня. Той же самой связкой ключей. Было не столько больно, сколько обидно.

Часто ли мы с отцом ездили отдыхать? Я не помню отдыха всей семьей – я ехал либо с мамой, либо с папой.

Отец постоянно возил меня в Пицунду – в дом отдыха, который принадлежал, кажется, газете «Известия» и стоял почти на самом берегу моря. Дорога к морю проходила по мощенной плиткой дорожке, по краям которой с двух сторон стоял забор. За забором рос бамбук и самшитовые кусты. Как-то я шагал к морю впереди отца и глазел по сторонам и на небо. И вдруг почувствовал, что меня кто-то резко и сильно дернул сзади. Оказалось, что отец увидел впереди змею. Это была гадюка, которая выползла погреться на солнышке.

Увлекательным было и путешествие на корабле. Отец дружил с сыном капитана теплохода «Грузия» Борисом Гарагулей. Теплоход «Грузия» был одним из пяти современных кораблей, построенных в Финляндии в 1975 году. Он знаменит еще и тем, что на его борту путешествовали Марина Влади и Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Василий Аксенов, Петр Тодоровский и другие знаменитости. Какова же была моя мальчишеская радость, когда мне полностью пока-

зали корабль. Я побывал везде! И на капитанском мостике, и в капитанской каюте, и в моторном отсеке, и в трюме, и даже в трубе корабля. В завершение экскурсии капитан корабля насыпал мне в ладошку целую пригоршню жетонов от впервые мною увиденных заграничных игровых автоматов, установленных на корабле.

Мои родители перестали жить вместе, когда я еще не ходил в школу. По моим воспоминаниям, в моем шестилетнем, а может, семилетием возрасте.

Наши встречи с отцом происходили по выходным, в дни, когда в Центральном доме литераторов устраивались детские утренники, а отец находился в Москве и был готов уделить мне свое время. Он приводил меня в ЦДЛ, отправлял на утренник, а сам общался с кем-то в кафе.

После представления мы обедали там же. Помню знаменитый пестрый зал кафе с рисунками и надписями, сделанными художниками и писателями.

Помню Дубовый зал ресторана Дома литераторов. А какие таралетки там подавали! Мои любимые были с сыром и чесноком и с паштетом.

По завершении трапезы мы гуляли по Москве, заглядывали в Лавку писателей за книгами для папы, иногда в редакцию «Литературной газеты», ходили в кино или в гости.

Еще одной картиной, запечатлевшейся в моей памяти, были визиты отца в пионерский лагерь «Поречье», куда меня отправляли на лето. Он находился, если не ошибаюсь, под

Рузой. В один из приездов отец сообщил мне, что умер его друг Владимир Высоцкий. С ним отец познакомился в гостях у сына капитана теплохода «Грузия».

Помню, взрослые сидели за столом, а я, будучи еще совсем маленьким, засыпал, и меня положили в другой комнате. Позже, когда я проснулся, за столом уже сидел Владимир Семенович. Будучи в некоем подпитии, кто-то неудачно сел на его гитару и надломил крепление грифа. Эта гитара досталась мне. Она долго оставалась в моей детской комнате, пока от нее не был отпилен сам гриф. Один мой бывший близкий друг, играющий на гитаре и имевший шестиструнную, очень хотел двенадцатиструнную. В его пользу и была пожертвована та историческая гитара.

Помнится, как отец из всевозможных командировок приносил мне одежду – джинсы, джемперы, майки. Я до сих пор храню свою детскую майку желтого цвета с изображением Лондона, на которую отец наклеил бархатные буквы темно-синего цвета – IGOR BELZA.

Это, пожалуй, все мои детские воспоминания об отце.

В моей жизни так сложилось, что более десяти лет мы совсем с ним не виделись. В 1981 году родился мой единокровный брат Федор. С ним мы никогда не жили вместе. Но мне повезло больше, чем ему. Первые шесть-семь лет своей жизни я провел с отцом под одной крышей. Брат же всегда жил отдельно от него. Познакомился я с ним, когда мне было двадцать лет, а ему, соответственно, десять.

Наше общение возобновилось в 1993–1994 годах. Я проявил инициативу, и оно началось. Сперва мы общались настороженно, как бы привыкали друг к другу. С течением времени мы все больше и больше сближались.

Отец много работал, часто бывал в отъезде. После развода с мамой он вернулся жить в квартиру родителей. Там его жизнь скрашивал еще один член семьи – кот Бастик II, которого отец очень любил. Любовь к котам перешла к нему от его отца, моего дедушки. Именно дедушка придумал кличку Бастик. От имени древнеегипетской богини-кошки Баста. Во времена моего младенчества в квартире, где прошли первые два года моей жизни, проживал Бастик I. Потом уже через много лет появился Бастик II.

Когда не стало дедушки, а затем и бабушки, кот был единственным звеном, связывающим отца с ними. И когда Бастик II ушел из жизни, отец очень горевал. Он ничего не сказал ни мне, ни брату и куда-то исчез. Его телефон молчал дня три. Оказалось, что он уехал на дачу, где в лесу и похоронил своего любимца. Место его захоронения он так никому и не показал.

Любовь отца к котам воплотилась в его коллекции статуэток котов – это были их изображения из всевозможных материалов. От хрусталя до бересты, от бронзы до керамики. И всевозможных размеров – от нескольких миллиметров до вполне солидных изваяний. Коты стояли везде – на книжных полках, столах, подоконниках.

Второй безмерной любовью отца были книги. Страсти библиофила к нему перешли от его отца, Игоря Федоровича. Семейная библиотека со временем достигла немислимых размеров. По подсчетам отца, она превышала двадцать тысяч томов. Книги были на многих языках мира – от латыни до немецкого, от русского до польского. К моменту ухода отца книги занимали почти все пространство квартиры. Все полки и книжные шкафы были забиты книгами. Книги стояли стопками высотой около полутора метров на полу в комнатах, коридоре и даже на кухне. Между книг были проложены дорожки: от прихожей до дивана в гостиной, где и спал отец, от дивана до кабинета, где он организовал себе произвольный гардероб, поскольку пробиться к шкафу с одеждой не было никакой возможности. Была дорожка и на кухню. Отец говорил, что он приезжает домой только спать.

В этой квартире говорить о нормальной уборке не приходилось. Безусловно, проложенные дорожки основательно пылесосились, но перебрать все книги и очистить их от пыли было невозможно!

Когда у папы появлялось свободное время, хотя бы в два дня, он уезжал к себе на дачу. Дача – это квартира в поселке писателей «Красновидово». В ней он любил бывать. Его соседями по поселку были Александр Ширвиндт, Марк Захаров, Эдвард Радзинский и многие другие люди, кого он хорошо знал. Отец любил, находясь за городом, ходить поутру за родниковой водой.

Я достаточно часто навещал отца на этой даче. Приезжал к нему с моим любимым котопесом Ричардом. С ним отец также нашел общий язык. Ричард залезал к нему на колени и разрешал себя гладить. Следует отметить, что не многие достаивались этой чести.

На даче мы гуляли с отцом по окрестностям, по полям вдоль реки Истры. Иногда доходили до местного сельпо. А после прогулки готовили обед. Как правило, я отвечал за горячее – мясо, рыбу или курицу, а папа за гарнир – отварную картошку и салат.

Во время прогулок, готовки или прочих бытовых дел мы беседовали. Темы бесед были разнообразны. Папа, как пылесос, втягивал мои знания в себя. Мы говорили о всяких житейских ситуациях, о пустяках и о серьезных вещах.

Первый мобильный телефон отца – это мой подарок. Именно я научил его писать эсэмэски, пользоваться компьютером, электронной почтой и интернетом. Отец советовался со мной по всем техническим вопросам – от ремонта машины до обновления программного обеспечения компьютера. Все новинки домашней электроники дожидались моего прихода, дабы быть запущенными в работу.

Запомнились мне и две поездки. Первая произошла в 1995–1996 годах. Это была поездка в Санкт-Петербург. Именно тогда я впервые посетил город на Неве. Но как! Мероприятие было посвящено открытию фонтанов Петергофа после ремонта. Устроители действия решили повторить бал,

который был сто лет назад, и пригласили наследников тех дворянских фамилий, предки которых были его участниками. Именно там отец познакомил меня с графом Петром Петровичем Шереметьевым. Там же я первый раз услышал начинающего оперного певца Василия Герелло и познакомился с ним. Но особая взаимная симпатия возникла с одной знаменитой дамой – Нани Георгиевной Брегвадзе.

Жили мы с отцом в гостинице «Прибалтийская», стоящей на берегу Финского залива. Во время этой поездки произошла история, которая мне запомнилась. Бал закончился довольно поздно. За многими артистами были закреплены машины из гаража мэра города Анатолия Собчака. Не секрет, что город на Неве соединен множеством мостов. Ну и конечно, к тому времени мосты были уже разведены. И постепенно около одного из разведенных мостов собралась целая колонна из нескольких машин. У артистов нашлись и горячительные напитки, и закуски с бала. И вот этот дружный коллектив, разложив на багажнике машины яства, устроил веселую вечеринку в ожидании свода моста. Пировали около двух часов. Трапеза сопровождалась интересными, порой смешными рассказами. Время пролетело быстро.

В эту поездку отец провел для меня экскурсию по знаменитым пригородам Санкт-Петербурга: Царскому Селу и Павловску. Оказалось, что он близко знаком с директорами этих музеев, и их двери, несмотря на нерабочий день, гостеприимно раскрылись перед нами.

Вторая поездка произошла вскоре. Шел 1997 год. Отец пригласил меня в интереснейшее путешествие. Это был круиз-фестиваль, организованный украинской телекомпанией «Тонне». Маршрут начинался на испанской Пальма-де-Мальорке. Затем следовала Барселона, где я влюбился в творения великого Антонио Гауди, Ницца и поездка в Канны, Монако, Чивитавеккья, Рим, Дубровник и конечный пункт – Венеция. Трудно передать охватившие меня эмоции! Это фактически была моя первая зарубежная поездка. До этого я выезжал только один раз с друзьями в Турцию.

В Барселоне, помимо творений Антонио Гауди, я был потрясен лавочками, продающими всевозможные мечи, шашки, ножи, доспехи и прочую рыцарскую утварь. Отец практически за уши оттягивал меня от этой экзотической красоты. Мне безумно хотелось приобрести двуручный меч внушительных размеров – метра полтора в длину. Он едва отговорил меня от этой покупки. Но на память была приобретена копия гранаты лимонки, в которую была встроена зажигалка. Дорогой читатель, запомни эту деталь!

За Испанией последовал Лазурный Берег. Сначала Ницца. Та самая Ницца, которой нельзя не соблазниться! Великолепный город. Затем – Канны и их Круазетт, дворец кинофестивалей. И, разумеется, Монако. Именно тогда я, ярый поклонник Михаэля Шумахера, прошелся по той самой трассе, где проходят Королевские гонки F-1.

Затем был Рим с его величественным Колизеем, непере-

даваемой красоты фонтаном Треви высотой почти что в двадцать шесть метров, переулками и площадью Испании.

Что удивило меня в этой поездке? Это то, что отец прекрасно ориентировался в каждом из городов, в которых мы побывали, и, проходя мимо очередного дома, рассказывал историю о том, что именно тут в тысяча семьсот или восемьсот каком-то году произошло. Объем знаний отца, конечно, поражал. Но когда ему говорили о его энциклопедических знаниях, он отвечал: «Это вы не знали моего отца. Вот он действительно Большая энциклопедия, а я всего лишь Малая». И дальше следовал рассказ, что дедушкины друзья расшифровывали дедушкину фамилию следующим образом: Б – большая, Э – энциклопедия, Л – лишних, З – знаний, А – автора.

И вот мы оказались в городе, который я больше не посещал, – Венеция. Непередаваемый звук стука бортов гондол друг о друга. Утренний туман над каналами. Но настало время собираться в путь. Предстояло посещение Киева, где должно было состояться закрытие фестиваля.

И вот наша отъезжающая делегация прибывает в аэропорт Венеции. Мы с отцом проходим досмотр ручной клади. Я кладу на ленту свою сумку. Она уползает в камеру досмотра. И тут сотрудники аэропорта, радостно болтающие между собой, напрягаются, их лица меняются. Начинают бегать какие-то люди в форме. Все это происходит за тридцать секунд – максимум минуту. После чего служащий аэропорта задает

вопрос, чья эта сумка. Честно признаюсь, что моя. Выяснилось, что купленную гранату-зажигалку я положил именно в эту сумку. Каков же был шок сотрудников безопасности увидеть такое на экране. Отец же несколько не обеспокоился и шутками-прибаутками урегулировал ситуацию.

В этой поездке отец познакомил меня с Донатасом Банионисом, Игорем Дмитриевым, Бисером Кировым.

Потом долгое время у нас не было с отцом совместных поездок. Последние случились в год его ухода.

Отец, как правило, не жаловался на самочувствие. Он по-мальчишески гордился тем, что не был у врачей двадцать лет. Но в середине декабря 2013 года он пожаловался, что у него уже больше недели не проходит живот. Я всячески убеждал его обратиться к врачам, но отец, сославшись на занятость, отказался. Вскоре он уехал в Иркутск на фестиваль Дениса Мацуева, затем у него были еще какие-то поездки и выступления. Уговорить его пойти к врачам удалось только в марте 2014 года. Результат обследования оказался печальным – подозрение на онкологию.

Несмотря на предпринятое лечение, улучшений не наблюдалось. Денис Мацуев и Мария Максакова убедили отца обратиться в клинику в Германии. Но несмотря на предстоящий визит в клинику, отец дал согласие провести еще одно мероприятие – фестиваль «Очи черные» в итальянском городе Монтекатини-Терме.

До поездки еще предстояли съемки программы «Роман-

тика романса». Съёмка проходила два дня – 26 и 27 апреля. 26 апреля – папин день рождения. Отец сдюжил эти съёмки, несмотря на свое недомогание. Он по-прежнему казался веселым, рассказывал в перерывах между съёмками разные забавные истории.

В конце апреля мы улетели с отцом в Италию. И пробыли там до 10 мая. Основное время этой поездки отец лежал. Я всячески его опекал. Но когда надо было выйти в свет, он одевался и брал себя в руки. И на публике появлялся жизнерадостный, опрятно одетый джентльмен.

На фестивале я познакомился с Карло Визинтини – человеком, благодаря стараниям которого позже на аллее славы города Монтекатини появится медальон с именем отца.

По завершении фестиваля «Очи черные» мы полетели с отцом в Мюнхен. Клиника Красного Креста стала последним его убежищем. До своих последних минут он, то ли до конца не осознавая ситуацию, то ли не желая наводить панику, говорил о планах на будущее.

Все время пребывания я был на связи с Денисом Мацуевым и Марией Максаковой. Последняя нашла время и на несколько дней прилетела в Мюнхен навестить отца. Она долго оставалась в его палате, и все это время шел оживленный разговор. Именно тогда отец придумал эпиграмму: «Мария Максакова полюбит не всякого».

В ночь на 3 июня меня разбудил телефонный звонок из клиники. Мне передали, что зовет отец. Я прибежал в кли-

нику через пятнадцать минут. Отец сидел на кровати и что-то пытался написать на своем телефоне. Как позже я выяснил, он хотел написать мне электронное письмо, но получалась белиберда.

Когда я пришел и взял отца за руку, его возбуждение ушло, он лег на кровать и как будто задремал. Я держал его за руку и видел на мониторе, как он угасает. Я держал его за руку и шептал сам себе: «Папа! Не уходи!» Через сорок минут меня за плечи взяла доктор и на английском сказала, что мне нужно отпустить руку отца и дать ему спокойно уйти. Она поняла, что своей энергетикой я не отпускаю его. Я отпустил его руку. И через десять минут отца не стало, в пять часов пятьдесят пять минут по мюнхенскому времени.

За несколько лет до ухода отца, в один из приездов к нему, я обратил внимание на его глаза. В них я увидел одиночество. Тогда я спросил его: «Папа, тебе одиноко?» «Нет, – ответил он. – У меня есть два прекрасных сына!» Но мне все же показалось, что отец был одинок, что он разгадал какую-то тайну бытия, и этой тайной не хочет делиться со мной, оставляя мне шанс прожить счастливую жизнь.

Незадолго до его ухода, в конце мая 2014 года, я задал ему вопрос: «Папа, а что тебя больше всего потрясло в жизни?» И он ответил: «Первое: Венеция и Рим. Второе: автографы Пушкина, Наполеона и записка кровью Есенина. И третье: коты».

Автографы, о которых говорил отец, показал ему дедуш-

ка, взяв его с собой в архив, находящийся где-то под Санкт-Петербургом. Надо сказать, что дедушка был одним из основателей Государственного музея имени А.С. Пушкина. Позже попечительство над музеем перешло по наследству к моему отцу.

Следующим заданным вопросом отцу был такой: «Что тебя больше всего разочаровало в жизни?» Отец немного задумался и ответил: «Женщины» – и через небольшую паузу пояснил: «Некоторые».

Каким же мне запомнился отец? Отец был всегда жизнерадостным или делал такой вид. Он не терял самообладания, любил шутить. Нотации он читал мне не часто, но каюсь – было! Когда я шел куда-то с ним, возникало удивительное чувство защищенности и ощущение, что все будет хорошо. Меня всегда поражало, да и сейчас поражает, его феноменальная память. Память на тексты и гуманитарную информацию. У меня память устроена по-другому – я хорошо запоминаю цифры. Отец обладал уникальным знанием русского языка и умением на нем говорить. Это был не язык с современным сленгом, а литературный русский язык, на котором говорили еще до революции. Помимо русского языка отец в совершенстве знал польский, болгарский, чешский, словацкий, английский, немного немецкий и французский языки. Папа всегда, даже дома в халате, опрятно выглядел. Он не был притязательным в быту. Но он был гурманом, любил вкусно поесть. Не обязательно с гастрономическим

ИЗЫСКОМ, НО ВКУСНО.

Удивительно, но, когда я приходил к нему за советом, отец выуживал из своей памяти несколько историй, произошедших с известными людьми. Всегда, когда у меня были причины упасть духом, отец говорил: «Ты же Бэлза!»

Когда мы ходили с отцом на мероприятия – концерты, в театр, – его всегда было тяжело вывести из зала. Будь то концертный зал или зал ресторана, где проходил фуршет. Отец долго разговаривал со многими. Причем невзирая на звания, профессию и регалии. Он мог подробно рассказывать о судьбе кого-то из великих уборщице, которая подошла к нему выразить свое удовольствие концертом и его выступлением. Он мог говорить с кем-то из мэтров. У него для всех находилось время и темы для беседы.

У меня сложилось впечатление, что у отца не было врагов. Казалось, как раз наоборот, что его окружали одни друзья! Куда бы мы ни приходили с отцом, всегда появлялись люди, с которыми отец подолгу разговаривал. Если начать перечислять папиных друзей, то не хватит места на страницах этой книги. Расскажу лишь о некоторых из них. Надеюсь, что на меня не будут в обиде те, кого я не упомяну в этом списке.

Подобно тому, как друзья дедушки становились папиными друзьями, некоторые из папиных друзей таким же образом перешли в круг моих друзей. За что им – низайший поклон!

Отец дружил с выдающейся парой – Муслимом Магома-

евым и Тamarой Синявской. Его дружба с ними началась с интервью. А затем они общались все чаще и чаще.

Отец также много рассказывал о своей дружбе с Грэмом Глином. Вспоминается такой случай. Отец находился в командировке во Франции и должен был прилететь в Ниццу, где тогда на Лазурном Берегу проживал Грэм Грин. Когда он позвонил его помощнице, чтобы предупредить о том, что приезжает, она произнесла загадочные слова, словно скаламбурила: «Грэм Грин с удовольствием встретится с вами, но встретить вас не сможет». Каково же было удивление отца, когда в аэропорту Ниццы он увидел Грэма Грина собственной персоной. Ему тогда было восемьдесят лет. Когда отец начал его обнимать, тот слегка отстранил юного друга. Оказалось, что недавно он упал, и у него сломаны два ребра.

Одним из ближайших друзей отца был Константин Полозов, к сожалению, ушедший из жизни намного раньше папы. Отец подруги моего детства Екатерины Полозовой. Они жили в одном доме. С Константином отец дружил с юных лет. Они часто гуляли по окрестностям, беседовали, обсуждали новости. Отец был дружен и с его женой Людмилой, и с их дочкой Екатериной.

Очень близок папа был с Георгием Гараняном. Именно отец представил ему Дениса Мацуева. А это знакомство родило новый проект «Классика и джаз», в котором популярные классические произведения предстали в джазовой обработке. Отец очень переживал кончину Георгия Арамовича.

А ведь за три дня до его смерти они оба были на сцене.

Другим близким другом был Александр Сенкевич. Их связывали Институт мировой литературы и совместные поездки, а также любовь к книгам. Мой отец вел практически все поэтические вечера Александра Сенкевича.

Отец был очень дружен с Денисом Мацуевым. Денис как верный и преданный друг на протяжении всей болезни отца оказывал огромную поддержку! В своем плотном графике он находил время для звонков, интересовался здоровьем отца. Он был готов спешить на выручку! Денис, один среди многих, остается преданным другом нашей семьи и сегодня! Именно он помогал мне решить вопрос по сбору средств на памятник отцу, который установлен на его могиле. Казалось бы, что, имея такое количество друзей, собрать требуемую сумму для установки памятника – плевое дело! Те, кто совсем недавно жаждали общения и дружбы, оказались абсолютно равнодушны к моей просьбе. Для меня было огромным потрясением, что после ухода отца многочисленные «друзья» не проявили должного рвения и не оказали помощи в решении вопроса установки памятника! Я сердечно благодарен Денису! Именно при его поддержке я окончательно не пал духом и не разуверился в людях.

Особо благодарю Хиблу Герзмаву и господина Агрбу Беслана Родионовича за их неоценимую помощь в установке памятника.

Отец дружил с Марией Максаковой, его соведущей по

«Романтике романа». Именно благодаря Марии и Денису в кратчайшие сроки была организована поездка в немецкую клинику. Мария поддерживала и отца, и меня в эти тяжелые дни. Она нашла время в своем плотном графике приехать к отцу в Мюнхен! И после его кончины она помогала нам в решении ряда вопросов.

Стоит сказать о дружбе отца с Дмитрием Бертманом. Они были дружны давно, еще до создания «Геликон-оперы». Мне очень приятно, что Дмитрий – один из немногих, сохранивших память и теплые чувства к отцу. 26 апреля 2017 года в «Геликон-опере» состоялся концерт памяти отца, постановку которого осуществил Дмитрий.

Евгений Богатырёв – еще один близкий папин друг. Он руководитель Государственного музея имени А.С. Пушкина. Они довольно плотно общались. Отец часто бывал в музее, знал о всех его новых экспонатах, о новых книгах, которые появлялись по пушкинской тематике. Я очень благодарен Евгению, за его помощь и дружбу! В апреле 2015 года в музее прошла выставка части «коллекции котов» моего отца и состоялся концерт его памяти.

Отец не многим делился со мной. Все проблемы он оставлял внутри себя. После его ухода выяснилось, что я не знаю многое о нем! Например, о том, что у него были романы с женщинами, в том числе известными. Видимо, его воспитание, его культура вынуждали его поступать деликатно в этой ситуации. Однажды в разговоре отец сказал: самое сложное

в отношениях – это расставание! Обиженная женщина, как и слон, не забывает обиду.

Все же, несмотря на его заслуги и регалии, в первую очередь он был моим отцом! Отцом, которого любишь просто потому, что он твой папа! Отцом, который не научил многим жизненным премудростям, не ходил вместе с тобой в кино или на прогулки, но все же оставался любимым папой, которого мне катастрофически не хватает сейчас!

А на планете Земля продолжает жить Слава Бэлза, но не Святослав, а Мирослав Игоревич – мой сын, названный, как вы уже догадались, в честь моего отца!

Долгая и трудная дорога к отцу

21 сентября 1981 года на Калининском проспекте в роддоме имени Григория Грауэрмана родился мальчик. Ваш почтенный слуга – Федор Святославович Бэлза. Это время я знаю по рассказам мамы и помню себя уже с шести лет. Некоторые из воспоминаний возникают в памяти неожиданно, как огненные сполохи на ночном небе. Вот одно из них. То, от которого до сих пор невозможно избавиться. Оно, вероятно, будет сопровождать меня всю жизнь.

Темным зимним утром я, держа маму за руку, иду с ней в детский сад и по дороге узнаю из ее сбивчивого и взволнованного рассказа, что у меня, оказывается, есть отец и зовут его папа Слава. А самое главное, что мы поедем на днях к нему знакомиться.

Спустя более тридцати лет не так-то просто восстановить всю гамму охвативших меня чувств. Но я отчетливо помню, с каким восторгом и радостью я воспринял эту новость. Словно мне открыли тайну философского камня. Потом через много лет я понял, что это было только началом пути к моему отцу. А тогда, через какое-то время, мы с мамой собрались и отправились к нему в гости.

Помню, что было холодно и темно. С утра на какое-то время небо оставалось мутновато-молочным, но вскоре оно тускнело. Сумерки быстро сгущались, и обычно ближе к на-

ступающей ночи шел тяжелый и густой снег.

Вот в такой зимний вечер мы с мамой сели в троллейбус и отправились в путешествие к моему отцу, которое продолжалось до последнего его вздоха.

Я был кудрявым и очень беспокойным мальчиком. Близкая подруга нашей семьи, тетя Ляля Немчинова, говорила: «Он негр, только белый». Разумеется, в шутку. От отца мне досталась в наследство внушительная шевелюра, которая растет стремительно и превращается в шар. Однажды после продолжительных летних каникул я вернулся в Москву. Перед школой меня, сильно заросшего, надо было постричь. С такими волосами не всякий мастер захочет иметь дело. Парикмахерша, мельком на меня взглянув, сказала: «Перед тем как сядешь в кресло, сними шапку!» Каково же было удивление всей парикмахерской, когда я застенчиво и с обидой в голосе сказал, что это вовсе не шапка, а мои собственные волосы! Лица дам, собравшихся вокруг меня, до сих пор стоят у меня перед глазами.

Приехав на нужную нам остановку, мы вышли из троллейбуса и долго стояли на улице под тускло светящимися фонарями и под тихо падающими крупными хлопьями снега. Я уверен, что мама волновалась не меньше меня. Я задавал ей массу вопросов, а растрепанные мысли в голове не давали сосредоточиться.

Переступив порог фамильной квартиры Бэлзы, я вошел в новый для меня мир. Не только оказался среди родных

мне людей, но и среди океана книг. Войдя с мороза, я был тут же окутан невидимой аурой нежности, любви и доброты. Мой отец, да и мои замечательные дедушка с бабушкой были взволнованы нашей встречей не меньше меня и мамы. К слову сказать, моя красавица мама (дочь народного артиста П.П. Втебова, исполнителя роли Григория Мелехова в фильме «Тихий Дон») была и остается очень мудрой и рассудительной женщиной. Она впоследствии не препятствовала моему общению с вновь обретенными родными и очень близкими людьми. Низкий ей поклон и самые теплые слова благодарности.

Сейчас, спустя много лет, я с большой любовью вспоминаю эти дни. Я помню мою бабушку, несравненную Зою Константиновну, которая была ко мне очень внимательна. Готовила она – пальчики оближешь! Когда я появлялся в их доме, на столе обязательно оказывалась баночка черной икры, а по большим праздникам запекался просто «сумасшедший» шоколадный торт с кружками ананаса сверху. Игорь Федорович Бэлза, мой милый дедушка, крепко меня обнимал и вел в свой кабинет, где стоял рояль, на котором музицировали его гости, великие музыканты.

Приобщать меня к культурным событиям папа начал довольно рано. Мой первый и по-настоящему большой выезд состоялся в город Суздаль в летнюю школу молодых талантов «Новые имена». Там я познакомился с такими мэтрами сегодняшнего дня, звездами мировой величины, как Денис

Мацуев, Борислав Струлёв, Борис Андрианов, Игорь Фёдоров, и другими замечательными музыкантами. С тех пор я поддерживаю с ними дружеские, теплые отношения.

Я никогда не забуду нашу поездку с отцом в город Витебск на музыкальный фестиваль «Славянский базар». Уму непостижимо, со сколькими знаменитыми людьми я тогда повстречался и познакомился. София Ротару, очаровательный Бисер Киров, несравненный Валерий Леонтьев, статный Сергей Захаров и многие другие. В этой жизни, так уж вышло, я появился на свет от родителей, принадлежавших к известным и знаменитым семьям.

В процессе моего взросления мы с папой стали очень близки, хотя, к сожалению, из-за плотного и порой очень перенасыщенного его рабочего графика редко виделись, но часто созванивались и подолгу общались по телефону.

Мне тяжело вспоминать, как отец вместе с нами, его сыновьями, сильно переживал уход сначала Игоря Федоровича, а потом и своей мамы. Мы с братом Игорем всячески пытались его приободрить.

Вспоминать можно много и долго, но, как говорил отец, самое главное в искусстве – уйти за кулисы вовремя, пока зритель не начал тебя ненавидеть.

Шли годы, я вырослел. Менялись интересы, пристрастия, но разговоры по душам с отцом остались в памяти. Не забыть, как он помогал мне своими советами, в качестве весомых аргументов приводя и изречения мудрейших из муд-

рых, и свой собственный опыт. И постоянно убеждал меня читать как можно больше книг.

Такой эрудиции, как у него, у меня не было и нет. Но благодаря во многом ему я способен поддержать беседу и немало знаю о классической музыке и ее исполнителях.

С появлением на канале «Культура» передачи «В вашем доме» я некоторое время принимал в ней скромное участие в роли соведущего моего отца. В то время я был как необстрелянный воробей, стеснялся камеры, боялся слово сказать, а просто сидел и внимал общению великих. Благодаря этой передаче я познакомился с Муслимом Магомедовичем Магомаевым и с его прекрасной супругой Тamarой Ильиничной Синявской, с Людмилой Марковной Гурченко и многими другими творческими личностями. Эти люди пусть и мимолетно были в моей жизни, но даже кратковременное общение с ними дорогого стоит.

К сожалению, я не оправдал тех надежд, которые возлагал на меня отец. Я учился в институте, и моя голова была занята изучением гостиничного бизнеса, менеджментом и всем, что с этим связано. Момент был упущен.

Но именно тогда образовалась душевная связь между мною и отцом. Он всегда поддерживал меня и словом и делом. Первый раз я выехал за границу в Италию благодаря ему. А сколько приятных уютных вечеров мы проводили вместе с ним у него в квартире! Как я радовал его своими кулинарными изысками! Лучшей похвалой моим поварским

талантам были пустые тарелки.

Как было весело и непринужденно сидеть с отцом в легендарном ресторане ЦДЛ после очередного замечательно проведенного им концерта и, пропустив по стаканчику, шутить и рассказывать друг другу смешные истории и анекдоты! Потом идти вдвоем до метро и вдруг увидеть поскользнувшихся на ледяной корке асфальта двух пожилых дам. С мушкетерской легкостью отец вместе со мной поставил их на ноги, и мы, откланявшись, продолжили путь.

Как я был горд узнать о присвоении отцу звания «Народный артист России», а позже о награждении его орденом «За заслуги перед Отечеством», как был счастлив побывать с ним в Кремле на обеих церемониях и пожать руку двум президентам: Д.А. Медведеву, а через месяц В.В. Путину. Как эффектно он смотрелся за рулем своего нового джипа, и как профессионально обсуждали мы ходовые качества этого автомобиля. Много чего было за последние годы.

Как я хочу поговорить с тобой наедине, папа! Сколько между нами было недосказанного! Как много я рассказал бы тебе, мой дорогой и любимый отец. О моих воспоминаниях из далекого детства. Как ты меня, маленького, обнимал своими большими и теплыми руками, а со временем, уже повзрослевшего, шутливо хлопал по плечу.

Время неумолимо бежит вперед, и вот я уже мужчина. Ты неподдельно гордишься моими маленькими победами –

дипломом о высшем образовании, охотничьими трофеями, водительскими правами, моей женитьбой и работой. Ты всегда был рядом. Даже когда был далеко, как сейчас. Но сейчас ты находишься намного дальше, чел/когда-либо был прежде. И поговорить с тобой я могу только у себя в сердце.

Ты сожалел о двух вещах и говорил об этом вслух. Первое: тебя расстраивало, что мы курим. Второе: не можем сделать тебя дедом. В октябре 2013 года у меня родился сын Сергей Федорович Бэлза. Когда я сообщил тебе об этом, я почувствовал, как радостно забилося твое сердце и расцвела душа. При насыщенности твоего рабочего графика тебе не удалось поддержать внука на руках. Наконец-то родился хранитель и продолжатель славных традиций двух прекрасных семей: Бэлзы и Глебовых. Мне показалось, что ты помолодел, но в те дни я уже догадывался о твоём страшном недуге. Увидев Сергея на фотографиях, которые я посылал тебе сотнями, ты прозвал внука «маленьким Портосиком» и признался мне, что, глядя на мои фотографии с сыном (как мы гуляем, купаемся и т. д.), понял, что я буду хорошим отцом. Что я и стремлюсь делать.

После твоего ухода из жизни у тебя родился еще один замечательный внук – Мирослав Игоревич, сын моего старшего брата Игоря. Надеюсь, что двоюродные братья будут дружить и оберегать свою сестричку, которая должна появиться на момент выхода в свет этой книги.

Папа, дорогой мой отец, сказать, как мне тебя не хвата-

ет, – это не сказать ничего. Я счастлив, что мы были вместе, что ты у меня такой – не только знаменитый и великий, но и мой любимый папа, мой ангел-хранитель, который смотрит на нас сверху и радуется тому счастью, которое растет.

Я люблю тебя всегда и бесконечно...

Твой младший сын Федор

Последний раз отца я обнял 13 мая 2014 года у себя во дворе на Фрунзенской набережной. Я понимал, что все не так радужно, как мне пытался объяснить спокойным тоном этот мужественный человек. Он стоял передо мной с явными признаками страшного заболевания.

Я благодарен отцу, что он подарил мне такого взрослого, серьезного и рассудительного брата. Спасибо, что он есть в моей жизни и что помогает мне в непростые моменты.

Я выражаю благодарность всем тем людям, друзьям, поклонникам таланта нашего отца, кто его помнит, любит и помог нам с Игорем в тяжелые для нас минуты.

Часть I

Сочинения Святослава Бэлзы

*Творчество – общее дело, творимое
уединенными.*

Марина Цветаева

Человек пишущий и человек читающий

*История ума представляет две главные эпохи
изобретения букв и типографии; все другие были их
следствием. Чтение и письмо открывают человеку
новый мир – особенно в наше время, при нынешних
успехах разума.*

Николай Карамзин

В начале было Слово. Но свою подлинную мощь обрело оно лишь с появлением Книги.

Книга сыграла и продолжает играть основополагающую роль в развитии нашей цивилизации. Гигантская, накопленная за века библиотека – надежная память человечества, где запечатлены его свершения и мечты, прозрения и заблуждения. Эта библиотека создавалась на камне и металле, глиняных табличках и деревянных дощечках, свитках папируса и

пергаментных кодексах, пальмовых листьях и бересте, шелке и бумаге – менялся материал и способ изготовления книги, но неизменным оставалось ее назначение: служить «сохранению и передаче знания, опыта, художественных ценностей». В этом отношении история книги – как неотъемлемая часть истории культуры – едина от уникальных древнейших манускриптов до современных массовых изданий.

За тысячелетия своего пути человечество сделало множество открытий и изобретений. К числу самых великих из них относится появление печатного станка. В высочайшей оценке роли книгопечатания сходятся во мнении ученые и поэты. «Изобретение книгопечатания – это величайшее историческое событие. В нем зародыш всех революций», – сказал Виктор Гюго. Пушкин указывал на могучую силу действия «типографического снаряда». А прославленный немецкий писатель и мыслитель XVIII столетия Георг Кристоф Лихтенберг, почетный член Российской академии наук, оставил после себя такой афоризм: «Более, чем золото, изменил мир свинец, и более – тот, что в типографских литерях, нежели тот, что в пулях».

В печатном слове поистине заключены неисчерпаемые запасы энергии, и, как все другие ее виды, она может быть направлена на созидание или разрушение, служение добру или злу. Сознание этого повышает ответственность перед обществом не только художника, но и издателя, потому что, обрастая плотью на книжных страницах, слово приобретает

огромную власть над человеческими мыслями и чувствами. Книги меняют людей, меняют их представления о мире, а в конечном итоге – и сам мир. Слово становится Делом.

Цель искусства, цель книги – служить человеку, способствовать его счастью, помогать совершенствованию человека и человеческих отношений, содействовать сплочению, а не разобщению людей. Это известная истина, но ее приходится повторять, ибо, бывая на Западе, с прискорбием видишь там немало печатной продукции, не имеющей никакого отношения к литературе, проповедующей жестокость и насилие, расовые предрассудки и порнографию – причем зачастую «порнографию духа», как точно выразился поэт.

Если уподобить книги ступеням, то попадают среди них и такие, что ведут вниз, в темные подземелья; однако неизмеримо больше тех, которые ведут вверх, и по ним совершает человечество свое победное восхождение через тернии к звездам.

В чудодейственные свойства книги верили даже те, кто не верил уже почти ни во что. Так, Франц Кафка, которого окружавшая его действительность утвердила в безысходной мысли об извечной дисгармонии человеческого бытия, о непреодолимом взаимном отчуждении людей, занес в свой дневник: «Книга должна быть топором, пригодным для того, чтобы вырубить море льда, которое застыло внутри нас...»

Книга может быть товаром и наркотиком, а может быть святыней и оружием. Есть книги-бойцы, пробитые пулями,

как солдатская грудь; есть книги – страдальцы за веру и книги-ссылные, которые когда-то казались крамольными и их заточали в «спецхраны», а потом торжественно реабилитировали, сняв шоры с читательских глаз; есть книги, которые, как провозвестников правды, сжигали на кострах, – но от пламени этих костров не рассеивался, а, наоборот, сгущался мрак. Мрак невежества и человеконенавистничества. Бытует выражение: «Бумага все стерпит». Но кажется, будто буквы хотят разбежаться и бумага коробится от стыда, когда на ней печатают такие тексты, как «Молот ведьм» или «Майн кампф». Каждая же книга, что может быть названа Книгой с большой буквы, несет прометеев огонь своего создателя и похожа на факел, который этот мрак разгоняет, приближая час торжества разума и справедливости.

За то, что книги суть «реки, наполняющие вселенную», издавна почитались они на Руси. В одном из наиболее ранних памятников русской письменности – «Изборнике Святослава» 1076 года – содержится специальное «Слово о четьи книг», где говорится: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не тщись торопливо дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книга и словеса те, и трижды возвращайся к одной главе... Красота воину – оружие, кораблю – ветрила, так и праведнику – почитание книжное...»

Русские летописи донесли до нас не только «земли родной минувшую судьбу», но и сведения о библиотеке Ярослава

ва Мудрого, о том, как исстари «прилежали к книгам» образованнейшие люди нашего Отечества. Подвижническая деятельность Ивана Федорова – «друкаря книг, пред тем невиданных» – открыла новую эпоху в истории русской книги. Учительное слово становилось отныне доступным для все более широкого круга читателей.

Существует различное отношение к книге – от утилитарного подхода до того трепетного чувства, с каким истинный библиофил, ощущая сердцебиение, раскрывает старинный, давно разыскиваемый фолиант. Привычной стала аналогия: книги – друзья. Вспомним слова: «Прощайте, друзья!», с которыми обратил свой предсмертный взор к книжным полкам Пушкин.

Когда человек берет в руки книгу, между ним и автором происходит доверительный разговор наедине, какой может быть только между самыми близкими людьми. В ходе этой неторопливой беседы рождаются новые идеи и образы. А герои полюбившихся романов, вызванные к жизни могучим воображением художников, становятся столь же реальны, как личности, существовавшие в действительности. Таким героям – наравне с их создателями – воздвигают памятники; с ними делятся в вечерней тиши сокровенными думами; их страсти и переживания не перестают волновать все новые и новые поколения читателей, помогая «воспитанию чувств».

В дневнике Льва Толстого (яснополянское собрание кото-

рого насчитывает двадцать две тысячи томов) имеются такие строки: «Написать в жизни одну хорошую книгу слишком достаточно. И прочесть тоже». Вот это добавление весьма показательно, хотя и не следует, вероятно, понимать его буквально. Оно отражает требовательность и серьезность толстовского взгляда на творчество, на печатное слово.

Верно говорят, что одни заполняют книгами жизнь, а другие – только стеллажи. Но вместе с тем пустота в душе – часто следствие пустоты на домашних книжных полках (если не отсутствия их вообще) или чтения пустых книг. Книги, которые помогают читателю лишь убить время, – это книги-убийцы. А «глотатели пустот» – самоубийцы.

Каждый сам определяет свой «круг чтения», как и круг друзей, подбирает собственную «золотую полку». Но для этого необходима изрядная подготовка. «Попробуйте мысленно окинуть нынешнее книжное море – тревожно за молодых пловцов. Ах, как нужна помощь старшего, умного! – воскликнул однажды страстный книгочей Василий Шукшин. – Книги выстраивают целые судьбы... или не выстраивают».

В плавании по безбрежному морю книг доверяться надлежит надежным маякам. Прав был Белинский: читать дурно выбранные книги хуже и вреднее, чем ничего не читать. Мы формируем свои библиотеки, а книги формируют нас. Не прочитав «Илиады» и «Божественной комедии», «Гамлет» и «Дон Кихота», «Фауста» и «Трех мушкетеров», «Ев-

гения Онегина» и «Войны и мира», «Братьев Карамазовых» и «Мастера и Маргариты», мы были бы иными. Следует еще прислушаться к мнению Грэма Грина, который полагает, что только в детстве книги действительно влияют на нашу жизнь. Позже мы можем восхищаться книгой, получать от нее удовольствие, даже менять благодаря ей некоторые свои взгляды, но главным образом находим в книге лишь подтверждение тому, что уже в нас заложено... Поэтому особую важность приобретает «рацион» детского чтения.

По имени европейского первопечатника всю совокупность изготовленных типографским способом книг называют иногда «галактикой Гутенберга». Ориентироваться в этой галактике несведущему наблюдателю совсем непросто: здесь есть бесчисленные созвездия, состоящие из звезд разной величины, и давно погасшие светила, сияние которых еще доходит до нас; есть пугающие туманности и беззаконные кометы,рывающиеся на горизонт; здесь действуют всевозможные поля притяжения и излучения – трудно очертить орбиту своего внимания и выбрать объекты, достойные стать постоянными спутниками. Не случайно поэтому Оскар Уайльд делил книги на три категории: те, что следует читать; те, что следует перечитывать, и те, что вовсе читать не надо. Отнюдь не только склонностью к парадоксам автора «Портрета Дориана Грея» объясняется тот факт, что последний разряд он провозгласил наиболее важным с точки зрения интересов публики – ведь ей необходимо знать, что

из необозримого книжного репертуара не заслуживает внимания: «В самом деле, именно это крайне необходимо в наш век, который читает так много, что не успевает восхищаться, и пишет так много, что не успевает задуматься». Высказанное более столетия назад, суждение это приобрело, пожалуй, еще большую значимость в век двадцатый, когда неизмеримо вырос «Монблан» книг, перед которым находится современный человек, и лишь тот, кто обладает должными «альпинистскими» навыками, способен взойти на его вершину.

Немало исследований посвящено писательскому искусству. Однако существует также читательское искусство, которое тоже предполагает и врожденный талант, и истовое трудолюбие, вознаграждаемое сторицею. Особых навыков требует восприятие поэзии – далеко не всякий поймет «наставленья, сокрытое под странными стихами», которые оставили нам Данте и другие корифеи прошлых эпох. Стихи требуют особо чуткого читателя, душа которого способна резонировать на звуки струн, затронутых поэтом. Но насколько богаче делается кругозор того, кто овладел тонким искусством «беседы» с великими мастерами слова! Их творения учат постижению той книги, которая испокон веку именуется книгой жизни.

Отношения между автором и аудиторией никак не могут строиться по той формуле, против которой восставал еще М.Е. Салтыков-Щедрин: «Писатель пописывает, читатель почитывает». Настоящий писатель не пописывает, а ис-

торгает в родовых муках из глубины души, из своего измученного естества произведение, и оно всегда создается с мыслью о читателе (не только о сегодняшнем, но нередко и о грядущем). Всякая книга – результат большого труда автора, а также редактора, художника, наборщика и людей многих иных профессий, но, чтобы она до конца раскрыла вложенное в нее содержание, засияла полным спектром, зазвучала «во весь голос», читатель тоже должен проделать определенную умственную работу, мобилизовав свои способности, эмоции, жизненный опыт и вслушавшись как следует в музыку слов. «Книга должна быть исполнена читателем, как соната, – подчеркивала Марина Цветаева. – Знаки – ноты. В воле читателя – осуществить или исказить».

Как не все люди способны погрузиться в мир музыки или живописи, постичь их образы, точно так же далеко не каждый умеет читать. Ибо быть грамотным и уметь читать – совсем не одно и то же. Чтение художественной литературы – своего рода творчество или по крайней мере сотворчество. Оно требует навыка и затрат внутренней энергии, но только творческое чтение доставляет истинное наслаждение, способствует духовному развитию человека. Недаром Владимир Набоков считал, что «хороший читатель, большой читатель, активный и творческий читатель – это перечитыватель». Каждый большой писатель заслуживает такого большого читателя. В их диалоге раскрывается истина о человеке и мире.

И Шекспир, и Овидий
Для того, кто их слышит,
Для того, кто их видит...

(Н. Гумилев)

Чтение стало настоящей потребностью, необходимым условием роста Человека разумного, и потому принятое определение «венца творенья» как биологического вида – Homo sapiens – правомерно, пожалуй, дополнить еще одним: Homo legens – Человек читающий.

Род людской бесконечно многим обязан тому университету, имя которому – Книга. В этом университете приобретаем мы необходимые знания и получаем уроки нравственности, духовности, без которых оскудели бы разумом и очерствели бы сердцем.

Вот уже более пятисот лет сопутствует человеку печатная книга, сохраняя в принципе свой внешний вид, хотя полиграфия не стоит на месте, а непрерывно совершенствуется. Бурное развитие науки и техники в современную эпоху породило ряд пессимистических теорий относительно будущего книги. Проблемой этой занимаются не только фантасты – от Жюль Верна и Герберта Уэллса до Айзека Азимова и Рэя Брэдбери, – но также ученые, в том числе социологи.

На одной из конференций специалистов по ЭВМ Айзек Азимов сказал: «Я хочу попытаться описать идеальную информационно-поисковую систему. Пользование ею должно

быть доступно каждому, в том числе тем, кто не имеет для этого специальной подготовки; она должна быть портативной; для нее не должен требоваться никакой внешний источник питания; информация должна храниться в ней постоянно и не исчезать при отключении питания...» К этому моменту аудитория была уже весьма озадачена. И тут писатель, выдержав эффектную паузу, произнес: «Надеюсь, вы понимаете, что речь идет просто о книге».

Впервые голоса, предсказывающие скорый закат «галактики Гутенберга», раздались еще в конце прошлого века. Серьезное подкрепление, казалось бы, получила такая точка зрения с появлением телевидения и других средств массовой информации, микрокопирования и электронных хранилищ памяти. Однако фотография, как мы убедились, не заменила живописи, а кино и телевидение не вытеснили театр. Точно так же, думается, и книге в обозримой перспективе не грозит гибель от возникшей «конкуренции» со стороны компьютерных дисплеев и «аудио-буков». Несмотря на все технические новшества, она сохранит свое социальное значение и своих «старомодных» поклонников. Звезды «галактики Гутенберга» будут по-прежнему манить с неба грядущего, будоража людскую мысль и мечту.

Часто цитируемый латинский афоризм «Книги имеют свою судьбу» приводится обычно в усеченном виде, тогда как продолжение его гласит: «...в зависимости от восприятия (буквально: „головы“) читателя». Никто столь напряжен-

но не размышлял о взаимоотношениях автора и читателя, о судьбах книг, как их творцы, люди пишущие. Из таких раздумий известнейших мастеров литературы XX столетия и сложился сборник «Homo legens» – еще одна «книга о книге».

Человеческая трагедия

Даже те, кто не прочел ни единого написанного им стиха, не видел его пьес на сцене или в кино, цитируют – порой сами того не подозревая – Шекспира, ибо огромное количество его слов, строк и строф стали крылатыми. Таких фраз только из «Гамлета» можно вспомнить немало: «Быть или не быть, вот в чем вопрос», «Подгнило что-то в Датском королевстве», «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», «Распалась связь времен», «Башмаков она еще не износила», «Слова, слова, слова», «Человек он был», «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?», «Ты славно роешь землю, старый крот!» и т. д. Выражения эти – следует оговориться – бытуют в различных вариантах, потому что существует свыше тридцати русских переводов трагедии.

Слово «гений», казалось бы, само по себе служит исчерпывающей характеристикой и ни в каких дополнительных эпитетах не нуждается. Но когда речь заходит о Шекспире, этого оказывается мало, и вот какими – и чьими! – определениями сопровождается оно применительно к творцу «Гамлета»: «многосторонний» (Пушкин), «необъемлемый» (Лермонтов), «мирообъемлющий» (Белинский).

Если верно установлена дата его появления на свет, то родился Уильям Шекспир в 1564 году и умер в 1616-м в один и тот же день – 23 апреля. Вскоре после того как ему исполни-

лось двадцать, он покинул родной Стратфорд-на-Эйвоне, с тем чтобы вернуться туда на покой за несколько лет до смерти. Собственно говоря, он вернулся сюда уже бессмертным, но мало кто из современников отчетливо сознавал это, да и он сам не помышлял ни о чем подобном.

За плечами у него осталась почти четверть века напряженнейшего творческого труда. Мы знаем сейчас тридцать семь шекспировских пьес, сто пятьдесят четыре сонета и две поэмы, но ученые полагают, что еще какая-то часть его наследия не дошла до нас. Правда, имеют хождение легенды, что не сам Шекспир написал произведения, известные под его именем, и на их авторство выдвигается множество титулованных претендентов. Но все версии, будто подлинными создателями шекспировских пьес были граф Рэтленд, или граф Оксфорд, или еще какой-нибудь граф, или прославленный философ Фрэнсис Бэкон, оказались на поверку не основательны. И нет никаких причин сомневаться в том, что «Гамлета» создал сын стратфордского ремесленника и торговца, избравший для себя в Лондоне малопочтенное, по тогдашним представлениям, поприще актера и сочинителя.

По имени властвовавшей в те годы королевы вторую половину XVI столетия в Англии принято называть елизаветинской эпохой. Человечество, однако, вносит коррективы и в хронологию, для которой все чаще избираются в качестве ориентиров имена ярчайших светочей разума, а не тех или иных коронованных особ. Была дантовская эпоха в Италии

и пушкинская пора в России, а ее величество Елизавета I восседала на английском троне во времена «царя драматических поэтов» – Шекспира.

Отпущенные ему судьбой полвека пришлось на знаменательный период в истории Западной Европы. Предшествовавшую эпоху – Средневековье – тоже никак не следует представлять себе в виде тысячелетнего «провала» в истории, ибо и тогда разум людской не раз торжествовал над невежеством, создавались непреходящие эстетические ценности. Но именно Возрождение отмечено дерзновенными исканиями человеческой мысли и поразительным взлетом творческих сил, которые вызвали к жизни высокое искусство. Это была эпоха не только возрождения (отсюда ее название: Возрождение или по-французски – Ренессанс) интереса к искусству и философии древних греков и римлян, но также рождения новой гуманистической культуры, отвечавшей духовным потребностям времени.

Достаточно вспомнить итальянцев Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэля, голландца Эразма Роттердамского, француза Франсуа Рабле, немца Альбрехта Дюрера, испанца Мигеля де Сервантеса, чтобы убедиться в справедливости этих слов.

Одной из вершин блистательного искусства Ренессанса стало творчество Шекспира.

Человек энергично осваивал тогда планету: Колумбовы каравеллы достигли берегов Нового Света; Магеллан совер-

шил первый – как говорили в старину – кругоземный вояж. Человек пытливо проникал в тайны мироздания: начало распространяться «крамольное» учение Коперника о том, что Земля – вовсе не центр Вселенной, а наряду с другими планетами послушно обращается вокруг Солнца.

На протяжении всего Средневековья церковь упорно старалась отвратить взгляды своей паствы от земного бытия, побуждая больше думать о загробном существовании.

И вот теперь люди словно поняли, что созданы не для смирения духа и умерщвления плоти во имя райского блаженства или из страха перед адским пламенем, которые – как судят проповедники – ждут их после смерти. Не то чтобы они категорически перестали верить в Бога – просто многие поверили в себя.

Искусство – в том числе и словесное – начало воспевать человека как подлинную «красу вселенной» и «венец всего живущего». Жизнелюбивая философия гуманистов Возрождения ратовала за внутреннее раскрепощение личности, за ее свободное и гармоничное развитие, призывая людей следовать не средневековым догмам, а своим чувствам, разуму и воле. Идеи гуманистов завоевали все новых приверженцев – иным начинало казаться, что грядет царство всеобщего благоденствия; но, видно, не случайно возмечтавший о нем в своей «Утопии» Томас Мор сложил голову на плахе.

Тогда происходил колоссальный сдвиг в области общественных отношений и экономики. Набиравший силу капи-

тализм настойчиво теснил обветшавший феодальный уклад. Эта эпоха «первоначального накопления» (К. Маркс) отмечена была вопиющими противоречиями. С одной стороны, исторически прогрессивная смена социального строя, рост производства и развитие торговли, великие научные достижения, расцвет искусства. С другой – усиление деспотизма власть имущих, участвовавшие войны за колониальные владения, стремительно множившееся число безземельных крестьян и разорившихся ремесленников, отвечавших восстаниями на жестокие притеснения и эксплуатацию, появление предприимчивых дельцов и авантюристов.

Проницательному взору могучих умов Ренессанса вскоре явственно открылось, сколь разительно отличается окружающая действительность от утопических представлений об идеальном общественном устройстве.

Гуманистический идеал «очеловеченного человека» вступил в разлад с бесчеловечностью эпохи.

«Век расшатался...» Драматическая двойственность яростного времени, в которое он жил, не могла не сказаться на творчестве столь чуткого художника, как Шекспир. Наглядный тому пример – «Гамлет», где передано мироощущение лучшего из сынов «расшатанного века» и запечатлена трагедия не отдельного человека, а человечности и человечества.

Давно установлено, что для этой, как и для большинства других пьес, Шекспир не придумал оригинального сюжета:

он восходит к древней скандинавской саге. Более того: за несколько лет до постановки (в первый год XVII века) шекспировского «Гамлета» на лондонской сцене уже шла трагедия о принце датском, приписываемая Томасу Киду. К сожалению, текст Кида, использованный Шекспиром, утрачен – сопоставление этих двух пьес наверняка бы наглядно продемонстрировало разницу между простым талантом и «мирообъемлющим гением».

Достаточно заурядную драму мести, традиционный сюжет об узурпации власти Шекспир наполнил обширным философско-этическим содержанием, созвучным своему времени, и наделил главного героя настоящей «бездной души». Если для датского принца образцом служил его отец, который «человек был в полном смысле слова», то сам Гамлет – «соединенье знанья, красноречья и доблести» с «редкостным сердцем» – соответствовал шекспировскому пониманию гуманистического идеала эпохи.

Великий драматург вложил в свое детище мучительные раздумья над такими «вечными» вопросами, как смысл жизни, взаимоотношения человека и общества, нравственный выбор, проблема смерти, потому-то и теперь его пьеса не перестает волновать нас. Вот уже более трех с половиной столетий люди остро сопереживают трагедию Гамлета – трагедию гуманиста в дегуманизованном мире.

Движимый высшей смелостью мастера, Шекспир дерзко сталкивал разные художественные начала. В его пьесе, на-

сквозь пронизанной трагическим мировосприятием, есть и по-настоящему комические сцены, – правда, как писал Пушкин, «волос становится дыбом от Гамлетовых шуток».

Настойчивое стремление проникнуть в самую суть происходивших исторических перемен и во внутренний мир изображавшихся им героев обусловило глубокую жизненность шекспировского творчества. Но как всякий большой художник, Шекспир действительность не копировал, а воссоздавал ее в образцах. Не стремясь к внешнему жизнеподобию, он переплетал реальность с условностью, вымыслом, элементами фантастики, создав в итоге шедевр не только драматургии, но и поэзии. Ведь «Гамлет» не только пьеса, а и блистательное поэтическое произведение – это определило весь его художественный лад. И пусть призрак Гамлетова отца (роль которого, по преданию, исполнял сам Шекспир) – отчасти дань давней театральной традиции и бытовавшим еще суевериям, однако прежде всего это именно поэтический образ. «Шекспир все передает через поэзию, – писал Белинский, – но передаваемое им далеко от того, чтобы принадлежать одной поэзии».

Всякому выдающемуся творению искусства в высокой степени присуща многозначность образов, а «Гамлету» – в особенности. Эта пьеса столь трудна для толкования, что ее называют «Моной Лизой» литературы, ибо неповторимо-притягательная улыбка леонардовской «Моны Лизы», о которой спорят, заключено ли в ней утонченное коварство,

или возвышенная печаль, или кроткая нежность, или нечто совсем иное, – символ «загадности».

Когда художественные образы становятся нарицательными, превращаясь в олицетворение различных человеческих свойств или страстей, то далеко не всегда таким лестным способом увековечиваются главные качества какого-либо персонажа. Так произошло и с Гамлетом.

Его имя нередко используется в качестве нарицательного как синоним человека во всем сомневающегося, не способного к энергичным действиям. Заслуженна ли такая репутация, породившая и особое понятие – «гамлетизм»?

Прислушаемся прежде всего к проницательнейшему суждению Пушкина. «Лица, созданные Шекспиром, не суть, – констатировал он, – типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры».

Персонажи «Гамлета» – не одномерные люди. Низкий отравитель Клавдий, как мы узнаем, – рассудительный политик, порой его терзает раскаяние в содеянном преступлении, да и жену, кажется, он любит искренне.

Гертруда, столь быстро изменившая памяти своего рыцарственного супруга, – добросердечная и любящая мать. Когда Гамлет ей «повернул глаза зрачками в душу» и признался, что «вовсе не сошел с ума, а притворяется с какой-то целью», она не выдает его Клавдию, и последний возглас отравлен-

ной королевы обращен к сыну.

Кроткая Офелия из дочернего послушания передает Полонию любовное послание Гамлета, соглашается быть приманкой в руках его врагов. Это заставляет искренне увлеченного ею принца пойти на разрыв с той, кого он любил так, как «сорок тысяч братьев» любить не могут.

А Полоний? Понаторевший в интригах высокопоставленный шут – заботливый родитель. Кое-что в его наставлениях сыну вполне разумно. Правда, он не следует собственным советам. Вспомним – «всего превыше: верен будь себе». Однако твердость принципов никак не принадлежит к числу достоинств отца Лаэрта и Офелии, хотя – в отличие от Клавдия – он и не преступник. Угодливый царедворец ловко приспособился к характеру Клавдия, от которого исходит страшная «гниль» – под ее воздействием столь разительно меняются Розенкранц и Гильденстерн, некогда бывшие добрыми товарищами Гамлета, а позже предавшие его.

Не только основные действующие лица трагедии тщательно выписаны у Шекспира. Порой ему довольно одного-двух штрихов, чтобы четко обрисовать духовный облик и некоторых второстепенных персонажей: например, пресмыкающейся у трона «мошки» – Озрика.

Как это ни парадоксально, но, пожалуй, наименее выпукло дан в пьесе образ Горацио, о достоинствах которого нам остается судить преимущественно со слов Гамлета, столь высоко ценящего своего друга. Он как бы символизирует со-

бой исторический оптимизм автора, его веру в то, что самопожертвование принца было не напрасным: Гамлет завещает Горацио поведать непосвященным истину о беззакониях, вершившихся в условной Дании, которая так живо напоминает Англию времен Шекспира.

Пресечь эти беззакония, как надеется Гамлет, сумеет Фортинбрас. Хотя не очень-то в его пользу свидетельствуют первоначальные требования «возврата потерянных отцовых областей», отошедших к Дании после победы Гамлета-старшего в честном единоборстве с Норвежцем, да и готовность положить целое войско ради клочка польской земли, где «не разместить дерущихся и не зарыть убитых». Но Гамлет отдаст перед смертью свой голос за избрание именно его королем – значит, он полагает, что норвежский принц того достоин.

Гамлет, которому Шекспир передал свою душевную боль по поводу «расшатанного века», тоже не свободен от недостатков. Но гораздо важнее, что характер его показан в развитии и обстоятельства раскрывают различные стороны этого многосложного образа. Поэтому нельзя судить о нем, не видя меняющегося выражения лица за скорбной маской меланхолика.

«Гамлет весь в смятении, весь в искании, – заметил выдающийся советский шекспировед М. Морозов. – Он порывист, легко переходит от одного настроения к другому. Каждый раз он появляется перед нами в новом состоянии: то он скорбит об отце, то, охваченный отчаянием, обращается к

Призраку все с тем же неразрешимым для него вопросом: „Что делать нам?“, то тепло приветствует Горацио, то издевается над Полонием, то (после сцены „мышеловки“) хохочет над разоблаченным королем... При этом Гамлет – отнюдь не безрассудный „мечтатель“, смотрящий на жизнь сквозь „романтический туман“. Он ясными глазами видит жизнь: иначе бы он так не страдал».

Гамлет – поистине «существо живое». Показательно в этом отношении признание Р.-Л. Стивенсона: «Более других я обязан Шекспиру. Не многие мои друзья из плоти и крови оказали на меня столь сильное и благотворное влияние, как Гамлет...»

Но вместе с тем при всей его неповторимости образ этот типический, ибо Гамлет – герой не только своего времени. «Характер Гамлета, – отметил А.И. Герцен, – общечеловеческий особенно в эпоху сомнений и раздумья, в эпоху сознания каких-то черных дел, совершившихся возле них каких-то измен великому в пользу ничтожного и пошлого...»

Нигде, быть может, как в «Гамлете», не ощущается с такой ясностью, что творец этой вещи – актер. Сценический опыт, несомненно, помогал Шекспиру-сочинителю (как позже Мольеру) глубже постичь секреты и назначение театра, которое он определил устами своего героя так: «Держать как бы зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное – низости и каждому веку истории – его неприкрашенный облик».

В магическом зеркале искусства отражается и тот, кто в него смотрит. Распространенный латинский афоризм «Книги имеют свою судьбу» приводится обычно в усеченном виде, тогда как существует его продолжение: «...в зависимости от восприятия (буквально: „головы“) читателя».

Глядясь в зеркало «Гамлета», каждый понимает – или не понимает – трагедию по-своему. Режиссеры и актеры, критики и комментаторы веками усердно вникают в ее текст и подтекст. Однако во многом трактовка пьесы зависит и от накладывающегося на нее «надтекста» (если можно так выразиться) – конкретно-исторических условий, когда к ней обращаются, мировоззрения читателя или зрителя и его собственного жизненного опыта, художественных пристрастий и т. и.

С каких только позиций не пытались проникнуть в сокровенный смысл «Гамлета»! Буквально ни одно направление философской и эстетической мысли не осталось равнодушным к этой трагедии Шекспира.

Вот несколько примеров. Гете был убежден, что в «Гамлете» Шекспир хотел изобразить «великое деяние, возложенное на душу, которой деяние это не под силу... Прекрасное, чистое, благородное, высоконравственное существо, лишенное силы чувства, делающей героя, гибнет под бременем, которого он не смог ни снести, ни сбросить, всякий долг для него священен, а этот непомерно тяжел». И.С. Тургенев утверждал, что Гамлет представляет собою «анализ прежде

всего и эгоизм, а потому безверье». А Виктор Гюго, подобно А.И. Герцену, считал, что в Гамлете есть нечто такое, что свойственно всем людям: «Бывают часы, когда в своей крови мы ощущаем его лихорадку. Тот странный мир, в котором он живет, – в конце концов наш мир. Он – тот мрачный человек, каким мы все можем стать при определенном стечении обстоятельств... Он воплощает неудовлетворенность Души жизнью, где нет необходимой ей гармонии».

Накопившееся внушительное количество противоречивых – притом весьма авторитетных – суждений о пьесе как нельзя лучше свидетельствует о том, что тщетно искать всех удовлетворяющее однозначное решение многогранной проблемы «Гамлета».

«Гамлет» – не просто зеркало, это состоящая из призм и зеркал сложнейшая оптическая система, сфокусированная на главном герое и его проблемах. Образ принца пропущен сквозь восприятие не только лиц, к нему доброжелательных (Офелия, Гертруда, Горацио), но оттенен и мнением ненавидящего его Клавдия: «человек беспечный и прямой и чуждый ухищрений». Исследователи обратили внимание также на «зеркальность» ряда ситуаций и сцен в трагедии, а главное – судеб Гамлета и Лаэрта. Оба они потеряли отцов, но как по-разному реагируют на это! Лаэрт безоговорочно подчиняется требованиям кровной мести. Прекрасно зная, что Гамлет стал причиной гибели Полония и Офелии невольно, он все-таки стремится во что бы то ни стало свести с ним сче-

ты: следуя якобы законам чести, не останавливается перед осуществлением бесчестного плана Клавдия, подготовившего в ответ на гамлетовскую свою «мышеловку». Совесть в Лаэрте, правда, заговорила, но слишком поздно. Он умен, решителен и смел, но действует по старым, средневековым моральным канонам, которые неприемлемы для гуманиста Гамлета. В рассудочной медлительности терзаемого сомнениями Гамлета несравненно больше нравственности, чем в безрассудной Лаэртской жажде немедленного отмщения.

Пресловутый «гамлетизм», о котором уже упоминалось, никак не исчерпывает всех сторон натуры шекспировского героя. Это не более чем тень датского принца, ведущая вполне обособленное от него существование. Гамлет и «гамлетизм» соотносятся между собою примерно так же, как Дон Кихот и «донкихотство». Под «донкихотством» разумеют обычно совсем не то «величие сердца» доблестного рыцаря из Ламанчи, о котором говорил Ф.М. Достоевский, не его благородство, самоотверженность, верность идеалу и доброту, а безрассудство, чудачество, наивное прекраснодушие, оторванность от действительности. Подобно этому, «гамлетизм» вобрал в себя слабость воли, душевную апатию, пессимизм, разочарованность в жизни, тягостные раздумья вместо решительных поступков в «минуты роковые».

Да, Гамлету, привыкшему философски осмысливать все происходящее, присущи колебания в какие-то моменты, но не они являются определяющими. Его трагедия – не просто в

горе от ума, парализующего волю. Трагизм положения принца в том, что его, гуманиста, заставляют подавлять в себе человечность и вынуждают к жестокости («Я должен быть жесток, чтоб добрым быть»).

Порой гораздо труднее постичь, в чем именно заключается твой долг, чем выполнить его. В длинных гамлетовских монологах, которые, нисколько не вредя занимательности действия, еще больше нагнетают его драматизм, автор как раз обнажает глубинную работу мысли, когда герой выясняет для себя свой долг.

Причин для медлительности у датского принца немало. Для него, нравственно обогнавшего свой век, чрезвычайно важно иметь полнейшую внутреннюю убежденность в собственной моральной правоте – именно *правоте*, а не *праве* на месть, которое оправдало бы его поступок в глазах окружающих. Гуманная совесть – для него высший судия, и прежде чем этот судия выносит окончательный приговор, ему необходимы весомые доказательства. Но почему же Гамлет продолжает медлить – даже после того, как все «улики» против Клавдия собраны? Дело тут ведь не только в осложнивших его положение непредвиденных происшествиях, цепь которых началась со смертью Полония.

Гамлет чутко постиг общественный смысл своей личной трагедии, и перед ним встал целый ряд вопросов, которые никак не разрешить ударом шпаги или кинжала.

Обрушившееся на Гамлета горе – убийство отца, скорбь

по поводу недостойного поведения матери, когда «на брачный стол пошел пирог поминный», послужили толчком, чтобы спала пелена с его «очей души», и заставили оглядеться окрест.

Взору просвещенного ученика виттенбергских гуманистов открылось «море бед» и всеобщее падение нравов в стране-тюрьме, где правят ложь и лицемерие, где люди обречены сносить «униженья века, неправду угнетателя, вельмож заносчивость, отринутое чувство, нескорый суд и более всего насмешки недостойных над достойными».

«Весь мир лицедействует» – было начертано на эмблеме театра «Глобус», с которым связаны наиболее плодотворные страницы биографии Шекспира (он играл там, более десяти лет создавал для него пьесы и состоял его пайщиком). Силою обстоятельств вынужден порой лицедействовать и Гамлет, изображая спасительное помешательство. Но безумен не он – безумен окружающий его мир.

И в потрясенном сознании Гамлета вызревает решимость не только покарать венценосного злодея, своего дядю-отчима, но и попытаться излечить век от разъедающего недуга. Для этого ему необходимо преодолеть не только враждебные обстоятельства, но и себя. Принцами рождаются, борцами делаются.

Уж где-где, а в финале Гамлет вовсе не страдает «гамлетизмом». Сделав свой выбор, отвергнув искушения демона самоубийства, он меньше всего походит на беспомощно-

го мечтателя. Он уже не страшится быть пророком в отечестве своем, хотя и предчувствует, что неминуемо проиграет в схватке со злом. Но уклониться от этого неравного единоборства отбросивший сомнения Гамлет не считает для себя возможным.

...И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

(А. Блок)

Причина гибели Гамлета – не в капле яда на рапире Лаэрта. Принц пал жертвой гораздо более тяжелой отравы, которая поразила устои общества и которой он сумел противостоять.

Его смерть не означает крушения идеалов, за которые он боролся. Ибо если для героя «дальнейшее – молчанье», то для читателей и зрителей дальнейшее – размышление. Пафос трагедии в том и заключается, чтобы, возвав через эмоции к их рассудку, привлечь людей на защиту тех моральных ценностей, которые мужественно отстаивал Гамлет.

Вдохновенный друг Шекспира

Почти все пишущие об этом прославленном ученом не могут удержаться от соблазна напомнить, что именно он изображен на серовском полотне «Мика Морозов». И тут нет ничего удивительного: ведь из числа портретов, созданных Валентином Серовым, этот – один из самых известных. Посетители Третьяковской галереи подолгу задерживаются у изображения сидящего в кресле очаровательного мальчика лет пяти. Кисть мастера запечатлела поразительно одухотворенное выражение лица ребенка, в громадных темных глазах которого одновременно и детское удивление, восторженность, и недетская серьезность, целеустремленность. Это поистине «глаза души», души щедрой и пылкой, и такими их на всю жизнь сохранил профессор Михаил Михайлович Морозов (1897–1952), ибо именно он был тем мальчиком, которого увековечил Серов.

«Этот портрет передает не только Мику того времени; в нем Серов схватил основную черту его натуры, его необыкновенную живость, и оттого все находили этот портрет очень похожим и на взрослого Михаила», – писала мать М.М. Морозова Маргарита Кирилловна (урожденная Мамонтова), которой довелось пережить своего сына. И другие люди, близко знавшие Михаила Михайловича, единодушно отмечают такое сходство. «Все в нем было броско и ярко: ост-

ро глядящие, черные с блеском, глаза, звучный голос, громкий смех, – вспоминал Самуил Маршак. – Несмотря на его большой рост, мы неизменно узнавали в нем того жадно и пристально вглядывающегося в окружающий мир ребенка, „Мику Морозова“, которого так чудесно изобразил когда-то великий русский художник Валентин Серов». Если картина Серова навсегда осталась в истории русской живописи, то мальчик, изображенный на ней, когда подрос, вписал заметную страницу в развитие отечественной филологии и театроведения.

Уже в молодости у Морозова проявился литературный талант, и он мечтал стать писателем. Сочинял рассказы и пьесы (несколько из них было поставлено маленькими московскими театрами в первые послереволюционные годы). Проявлял большой интерес к отечественной истории (о чем свидетельствует очерк «У града Китежа»). Затем увлекся режиссурой, начал переводить (обычно в соавторстве) пьесы Шиллера, Мюссе, Шекспира.

После него остались также замечательные стихи – в 1983 году они вышли отдельной книжкой в издательстве «Советский писатель». Но при жизни Михаила Михайловича мало кто знал, что маститый профессор «грешил» стихами, – это была внутренняя потребность, он сочинял их для себя, не помышляя о публикации.

У книжного слепого шкафа

С тобой мы коротаем ночь,
О, муза жизни, дочь Фальстафа
И феи златокудрой дочь!

Ее напевы сладострастны,
И мысли радостно ясны
И в бурях осени ненастной,
И в золотых огнях весны.

Ах, если сердце надрывалось,
В тугих висках стучала кровь, —
Она, как мать, ко мне склонялась
И к жизни возвращала вновь...

– писал Морозов в 40-е годы в стихотворении «Моей музе». Его муза поистине была «музой жизни», и стихи отражают поэтическое мировосприятие автора. Они отмечены мягким лиризмом, передающим тонкость и впечатлительность его художественно одаренной натуры, а глубокие познания ученого способствовали философской насыщенности создаваемых образов.

Круг интересов М.М. Морозова отличался необычайной широтой. Он был замечательным педагогом и видным общественным деятелем. Как исследователя его одинаково манили наука о литературе, театроведение и лингвистика. И три этих серьезных увлечения слились в одну всепоглощающую страсть к Шекспиру. В автобиографии Морозов назвал

шекспироведение своим «любимым делом» – и действительно оно стало делом всей его жизни.

Слово «гений» само по себе служит исчерпывающей характеристикой и ни в каких дополнительных эпитетах вроде бы не нуждается. Но когда речь заходит о Шекспире, этого оказывается мало, и вот какими – и чьими! – определениями сопровождается оно применительно к творцу «Гамлета»: «многосторонний» (Пушкин), «необъемлемый» (Лермонтов), «мирообъемлющий» (Белинский).

Более ста лет назад, в дни, когда отмечалось 300-летие со дня рождения величайшего английского поэта и драматурга, И.С. Тургенев сказал в своей речи: «Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь». Это в самом деле так – достаточно вспомнить слова Пушкина об «отце нашем Шекспире». Опираясь на богатейшие традиции освоения шекспировского наследия русской культурой и филологической наукой, начало которому было положено еще в середине XVIII века, М.М. Морозов внес огромный вклад в развитие советского шекспироведения.

Определенным итогом его изысканий была превосходно написанная книга «Шекспир», впервые изданная в 1947 году в серии «Жизнь замечательных людей». Примечательно, что в этой книге есть глава, названная «Вопрос об автор-

стве». Дело в том, что с давних пор имеют хождение легенды, будто не сам низкородный Шекспир написал произведения, известные под его именем, и на их авторство выдвинуто множество претендентов. Но на поверку оказались не основательны все версии, согласно которым подлинным создателем шекспировских шедевров был граф Рэтленд, граф Оксфорд, граф Дерби или какой-нибудь еще титулованный сочинитель, или знаменитый философ Фрэнсис Бэкон, или не менее знаменитый драматург Кристофер Марло. Быть может, как раз потому Морозов столь яростно обрушивался на тех, кто ставил под сомнение авторство Шекспира, что сам он, казалось, знал о нем абсолютно все, словно был его современником.

По имени властвовавшей тогда королевы последние десятилетия XVI – начало XVII века в Англии принято называть елизаветинской эпохой. Человечество, однако, вносит со временем коррективы и в хронологию, для которой все чаще избираются в качестве ориентиров имена ярчайших светочей разума, а не тех или иных коронованных особ. Была дантовская эпоха в Италии и пушкинская пора в России, а ее величество Елизавета I восседала на английском троне во времена «царя драматических поэтов» – Шекспира.

Глубочайшим знатоком вот этой – шекспировской – эпохи был профессор М.М. Морозов. Он досконально изучил словарь Шекспира и английский язык XVI века со всеми бывшими в ходу идиомами, изучил быт и реалии «доброй ста-

рой Англии», что необходимо – как он показал – для полного постижения шекспировских текстов (см. его работы «Язык и стиль Шекспира», «Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц»). На страницах книг и статей М.М. Морозова не только сам Шекспир, но и его многочисленные герои предстают буквально как живые. Вслед за Пушкиным он подчеркивал необходимость восприятия образов, созданных гением Шекспира, в развитии и посвятил этому специальное исследование.

Особенно посчастливилось тем, кому удалось слушать публичные выступления или университетские лекции профессора Морозова. Тут его беспредельная эрудиция и энтузиазм оказывались помноженными на ораторское дарование и подлинный артистизм, что в совокупности производило неизгладимое впечатление на аудиторию. Он как бы брал слушателя за руку и приглашал совершить вместе с ним увлекательное путешествие в страну чудес, имя которой – Шекспир. В этой стране ему был знаком каждый уголок, и он находил удивительно точные, убедительные слова, чтобы не только сделать для других близким и понятным, но и заставить их полюбить то, во что был горячо влюблен сам.

Морозовские труды о Шекспире еще при жизни ученого получили заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом. Его обстоятельная работа «Шекспир на советской сцене» была издана в 1947 году по-английски в Лондоне с предисловием Дж. Довера Уилсона. В начале этого пре-

дисловия виднейший британский шекспировед писал: «Мы все отдавали себе отчет в том, что Шекспира высоко почитают в Советском Союзе, почитают к тому же „по традиции“, как мог бы сказать Гамлет. Мы знаем также, что профессор Морозов один из ведущих, если не главный авторитет в этой области».

В своих работах М.М. Морозов не раз упоминал имя замечательного русского трагика первой половины прошлого века Павла Мочалова, с огромным успехом игравшего Гамлета, Отелло, Лира. Взыскательный Белинский в статье «„Гамлет“, драма Шекспира, Мочалов в роли Гамлета» признал, что «для гения Мочалова нет границ». А в эпитафии актер был назван вдохновенным другом Шекспира. Слова эти, думается, с полным основанием могут быть отнесены и к профессору Морозову.

Настоящим другом Шекспира, его «представителем на земле» был он в глазах своих студентов и читателей, в глазах деятелей искусства – режиссеров, актеров, переводчиков, которые прибегали к его советам и помощи, приступая к работе над творениями «великого англичанина». Часто общавшийся с Михаилом Михайловичем в молодые годы доктор филологических наук М.В. Урнов констатирует: «С естественной восторженностью писал и говорил он о достижениях выдающихся советских переводчиков, рассматривая их работу как новый этап в осмыслении Шекспира. Но восторженность, чрезвычайная отзывчивость, благожелательность

Морозова не колебали его принципов и не препятствовали критике. Отмечая неудачи и промахи, он исходил из кардинальной задачи перевода и потому был строг и требователен. Вместе с тем он учитывал творческую индивидуальность переводчика, его возможности, указывал направление работы».

«Как и для других, для меня Вы живой авторитет, англовед и шекспириолог, знаток английского языка и литературы, и все то, что я Вам однажды писал: человек с огнем и талантом...» – обращался во время войны в своем послании к Морозову Борис Пастернак, трудившийся тогда над переводами «Гамлета» и «Ромео и Джульетты». Обе эти трагедии, а впоследствии также «Король Лир» и «Генрих IV» были изданы в переводе Б.Л. Пастернака с сопроводительными статьями и комментариями М.М. Морозова. Давая оценку выполненным Пастернаком переводов шекспировских пьес, ученый отмечал их значительность «прежде всего потому, что автором этих переводов является большой поэт», а также потому, что «он правильно понял самую задачу театрального перевода».

Пастернаковский перевод «Ромео и Джульетты» М.М. Морозов считал «вообще лучшим художественным переводом Шекспира на русский язык»: «Пастернак нашел живые интонации, нашел звучание речи каждого действующего лица. Перевод Пастернака порывает с тем традиционным представлением об этой пьесе как о картине пышного Ренессан-

са, Ренессанса в шелку и бархате, в шляпах с перьями, нарядного маскарада. Это не итальянская пьеса – это в большей степени картина в духе нидерландской школы, и в этом отношении Пастернак идет по следам Островского, переведшего „Укрощение строптивой“.

Если сравнить перевод Аполлона Григорьева с переводом Пастернака (эти переводы во многом близки), то видно, как шагнуло вперед искусство перевода. Может быть, в переводе Пастернака есть то, с чем другие художественные переводчики не согласятся. Может быть, другие переводчики выделят другие стороны шекспировской пьесы. Пастернак как-то сказал в разговоре, что в пьесе звучат два шума: звон мечей и звон кухонных тарелок (дочку выдают замуж). У Пастернака звон тарелок в доме Капулетти, пожалуй, громче звона мечей. Но это отнюдь не исключает того, что Пастернаком передана лирика, передано дыхание молодости пьесы... Это поэтический перевод. Кроме того, как заметил зоркий критик Немирович-Данченко, выбравший пастернаковского „Гамлета“ для МХАТ, у Пастернака доминирует не просто слово, а слово-действие. Сравните с подлинником перевод Пастернака, и вы увидите, насколько он умеет переводить движение и жесты».

Свою искреннюю признательность «знахарю по шекспировским делам» за поддержку и помощь в неимоверно трудной работе Борис Пастернак выразил не только в письмах, но и в шуточных стихах:

...И под руку с Морозовым —
Вергилием в аду —
Все вижу в свете розовом
И воскресенья жду

Вергилием, то есть мудрым вожатым по царству, населенному образами Шекспира, охотно становился Морозов не только для Пастернака. «В те дни, когда я работал над сонетами Шекспира, и позже, во время нашей совместной с ним работы над переводом „Виндзорских насмешниц“ для Театра Моссовета, Михаил Михайлович чуть ли не каждый день бывал у меня, – засвидетельствовал С.Я. Маршак. – В сущности, Михаил Михайлович Морозов на протяжении многих лет был неизменным помощником и советчиком всех, кто переводил, ставил или играл на советской сцене Шекспира». В этот круг входили Н. Акимов и В. Вагаршян, А. Васадзе и Ю. Завадский, Г. Козинцев и Б. Ливанов, С. Михоэлс и Н. Мордвинов, А. Остужев и А. Попов, Р. Симонов и Г. Уланова, Н. Хмелев и А. Ходжаев, А. Хорава и А. Яблочкина, В. Левик и М. Лозинский, А. Радлова и Т. Щепкина-Куперник... «Вы, как всякий русский человек, оказались человеком с большим сердцем, чутким и глубоко принципиальным. Оценка Ваша, как крупнейшего авторитета, дает мне силы продолжать работу как над Отелло, так и над другими образами Шекспира, – писал 9 мая 1944 года профессору Морозову Акакий Хорава. – Говоря искренне, стоит рабо-

тать, чтобы заслужить похвалу таких авторитетов, как Немирович-Данченко, Вы, Качалов...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.